

ҚОЖА АХМЕТ ЯСАУИ АТЫНДАҒЫ
ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАЗАҚ- ТҮРІК
УНИВЕРСИТЕТІ

HOCA AHMED YASAVI
ULUSLARARASI KAZAK-TÜRK
ÜNİVERSİTESİ

«TURKIC HISTORICAL STUDIES» SCIENTIFIC JOURNAL

№ 3 (6) 2025
шілде-қыркүйек

БАС РЕДАКТОР

Тарих ғылымдарының докторы, профессор

ТҰРСҰН ХАЗРЕТӘЛІ МАХАНҰЛЫ

Индекстеледі/Tarama indeksli/ Индексируется/ Scanned indexes:

ҚҰРЫЛТАЙШЫ:

Қожа Ахмет Ясауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университеті

Журнал Қазақстан Республикасы Мәдениет және ақпарат министрлігі «Қазақстан Республикасы Мәдениет және ақпарат министрлігінің Ақпарат комитеті» республикалық мемлекеттік мекемесінде 2024 жылғы 3 мамырда тіркеліп, № KZ12VPY00092351 куәлігі берілген (Астана қ.).

Атауы: журнал, Turkic historical studies

Тілі: қазақ, ағылшын, орыс, түрік.

Шығу жиілігі: 3 айда 1 рет.

Меншік иесі: «Қожа Ахмет Ясауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университеті» мекемесі.

Тақырыптық бағыты: Ғылыми, тарих, археология және этнология.

Таралу аумағы: Қазақстан Республикасы, шетелдер.

KURUCU:

Hoca Ahmed Yasavi Uluslararası Kazak-Türk Üniversitesi

Dergi, Kazakistan Cumhuriyeti Kültür ve Enformasyon Bakanlığı «Kazakistan Cumhuriyeti Kültür ve Enformasyon Bakanlığı Bilgi Komitesi» Cumhuriyet Devlet Kurumuna 3 Mayıs 2024 tarihinde tescil edilmiş ve KZ12VPY00092351 sayılı sertifika vermiştir (Aстана Şehri).

Adı: Dergi, Turkic historical studies

Dil: Kazakça, ingilizce, Rusça, Türkçe.

Çıkış sıklığı: 3 ayda bir 1 kez.

Sahibi: Kurum «Hoca Ahmed Yasavi Uluslararası Kazak-Türk Üniversitesi»

Tematik yön: bilimsel, tarih, arkeoloji ve etnoloji.

Dağıtım bölgesi: Kazakistan Cumhuriyeti, yurtdışında.

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Международный казахско-турецкий университет имени Ходжи Ахмеда Ясави

Журнал зарегистрирован в Республиканском государственном учреждении «Комитет информации Министерства культуры и информации Республики Казахстан» Министерства культуры и информации Республики Казахстан 3 мая 2024 года и выдан сертификат № KZ12VPY00092351.(Г. Астана)

Название: журнал, Turkic historical studies

Язык: казахский, английский, русский, турецкий.

Периодичность издания: 1 раз в 3 месяца.

Владелец: учреждение " Международный казахско-турецкий университет имени Ходжи Ахмеда Ясави»

Тематическое направление: научная, история, археология и этнология.

Территория распространения: Республика Казахстан, зарубежья.

FOUNDER:

Khoja Ahmed Yasawi International Kazakh-Turkish University

The journal was registered in the Republican State Institution "Information Committee of the Ministry of Culture and Information of the Republic of Kazakhstan" of the Ministry of Culture and Information of the Republic of Kazakhstan on May 3, 2024 and issued certificate No. KZ12VPY00092351.(Astana)

Title: journal, Turkish historical studies

Language: Kazakh, English, Russian, Turkish.

Periodicity of publication: 1 time in 3 months.

Owner: institution "International Kazakh-Turkish University named after Khoja Ahmed Yasawi"

Thematic area: scientific, history, archeology and ethnology.

The territory of distribution: The Republic of Kazakhstan, abroad.

РЕДАКЦИЈАЛЫҚ АЛҚА МҮШЕЛЕРІ

Алибек С.	- т.ғ.д., профессор /Қазақстан/
Ахмет А.	- т.ғ.д., профессор /Қазақстан/
Ауанасова А.М.	- т.ғ.д., профессор, ҚР БЖМ Мемлекет тарихы институтының бас ғылыми қызметкері /Қазақстан/
Әбжанов Х.М.	- т.ғ.д., профессор ҚР ҰҒА академигі /Қазақстан/
Ержиласун Г.Қ.	- PhD доктор, профессор /Түркия/
Жеңіс Ж.	- Ш.Уәлиханов атынд. Тарих және этнология инст. директор орынбасары, т.ғ.к., профессор /Қазақстан/
Исин А.	- т.ғ.к., профессор /Қазақстан/
Қартаева Т.	- т.ғ.к., профессор /Қазақстан/
Қожа М.	- т.ғ.д., қауым. профессор /Қазақстан/
Примкулова Г.Ж.	- т.ғ.к., доцент /Қазақстан/
Ражабов К.К.	- т.ғ.д., профессор ӨР ҒА Тарих институтының бас ғылыми қызметкері /Өзбекстан/
Сельмаз Тогиди	- т.ғ.д., профессор АР ҒА Шығыстану институтының бөлім меңгерушісі /Азербайжан/

DANIŞMA KURULU

Alibek S.	- Prof. Dr. /Kazakistan/
Akhmet A.	- Prof. Dr. /Kazakistan/
Auanasova A.M.	- Prof. Dr. /Kazakistan/
Abzhanov K.M.	- Prof. Dr. /Kazakistan/
Erzhilasun G. K.	- Prof. Dr. /Türkiye/
Zhenis Zh.	- Sh.Ualikhanov adını taşıyan Tarih ve Etnoloji Enstitüsü Müdür Yardımcısı, Prof. Dr. /Kazakistan/
Isin A.	- Doç. Dr. /Kazakistan/
Kartayeva T.	- Prof. Dr. /Kazakistan/
Hoca M.	- Doç. Dr. /Kazakistan/

Primkulova G.
Razhabov K.K.
Selmaz Togidi

- Doç. Dr. /Kazakistan/
- Prof. Dr. /Özbekistan/
- Prof. Dr. /Azerbaycan/

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Алибек С.
Ахмет А.
Ауанасова А.М.
Абжанов К.М.

- д.и.н., профессор /Казахстан/
- д.и.н., профессор /Казахстан/
- д.и.н., профессор /Казахстан/
- д.и.н., профессор, академик НАН
РК /Казахстан/

Ержиласун Г.Қ.
Женис Ж.

- PhD, профессор /Турция/
- зам. директор института Истории
и этнологии имени Ш.Уалиханова,
д.и.н., профессор /Казахстан/

Исин А.
Картаева Т.
Кожа М.
Примкулова Г.Ж.
Ражабов К.К.
Сельмаз Тоги́ди

- к.и.н., ассоц. проф. /Казахстан/
- к.и.н., профессор. /Казахстан/
- д.и.н., ассоц. проф. /Казахстан/
- к.и.н., доцент /Казахстан/
- д.и.н., профессор /Узбекистан/
- д.и.н., профессор /Азербайжан/

EDITORIAL BOARD

Alibek S.
Akhmet A.
Auanasova A.
Abzhanov K.
Erzhilasun G.
Zhenis Zh.

- Doctor of Historical Sciences, Professor /Kazakhstan/
- Doctor of Historical Sciences, Professor /Kazakhstan/
- Doctor of Historical Sciences, Professor /Kazakhstan/
- Doctor of Historical Sciences, Professor /Kazakhstan/
- PhD, Professor /Turkey/
- Deputy Director of the Institute of History and Ethnology
named after Sh.Ualikhanov, Doctor of Historical Sciences,
Professor /Kazakhstan/

Isin A.
Kartayeva T.
Hoca M.
Primkulova G.
Razhabov K.
Selmaz Togidi

- Candidate of Historical Sciences, Professor /Kazakhstan/
- Candidate of Historical Sciences, Professor /Kazakhstan/
- Doctor of Historical Sciences, Professor /Kazakhstan/
- Candidate of Historical Sciences, Professor /Kazakhstan/
- Doctor of Historical Sciences, Professor / Uzbekistan/
- Doctor of Historical Sciences, Professor / Azerbaijan/

УДК 902/904

Байтанаев Бауржан Абишевич

доктор исторических наук, профессор, академик НАН РК
главный научный сотрудник Института археологии им А. Х. Маргулана
(Казахстан, г. Алматы) E-mail: baytanaev1962@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2013-0473>

Байтанаева Олеся Анатольевна

кандидат исторических наук
главный научный сотрудник ТОО «Инженерная археология»
(Казахстан, г. Шымкент) E-mail: o.baytanaeva@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0951-7378>

Отар Аль Фараби Нурмаханбетжанулы

магистр гуманитарных наук
научный сотрудник ТОО «Инженерная археология»
(Казахстан, г. Шымкент) E-mail: alfarabiotar@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-3976-0838>

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ ШУБАРСУ

Аннотация

В статье представлены результаты археологических исследований памятника Шубарсу, расположенного на северо-западной окраине города Шымкент, у жилого массива Кайнарбулак, на левом берегу одноимённой реки. Археологические раскопки на памятниках Шубарсу, проведённые в 2025 году, выявили типологически ранее неизвестные в регионе объекты. Первый представляет собой башнеобразное сооружение, выполненное из специально подготовленной глины. Его диаметр у основания составляет около 40 м, высота – 4,5 м. Внутреннее пространство объекта овальной формы (9×6,6 м) было заполнено плотно утрамбованной глиной. Внутри были выявлены два колодца, содержащие фрагменты керамики, кости животных и зольные прослойки, погребённые под глиной. Второй объект – прилегающая к «башне» площадка, изначально принятая за «усадьбу», представляет собой глиняную платформу толщиной около 1 м, на которой расположены ямы с засыпанными землей находками: битой керамикой, костями животных, каменными и металлическими изделиями. Предварительно керамический комплекс этих памятников датируется IV-VI вв. н.э. и VII-VIII вв. н.э.

Анализ стратиграфии и археологических материалов свидетельствует о ритуальном характере объектов, связанных с обрядовыми практиками древних обществ Центральной Азии, направленными на сохранение остатков пищи и жертвенных предметов.

Археологические исследования Шубарсу, проводились на основании договора о государственных закупках работ № 32 от «04» марта 2025 г., между ГККП «Объединение музеев города Шымкент» управления культуры, развития языков и архивов города Шымкент и ТОО «Инженерная археология».

Ключевые слова: Южный Казахстан, р. Кайнарбулак, каунчинская культура, раннее средневековье, глиняные сооружения, керамический комплекс, зольные прослойки, древние ритуалы.

Байтанаев Бауржан Әбішұлы

тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА академигі

Ә. Х. Марғұлан ат. Археология Институтының бас ғылыми қызметкері
(Қазақстан, Алматы қ.) E-mail: baytanaev1962@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2013-0473>

Байтанаева Олеся Анатольевна
тарих ғылымдарының кандидаты
«Инженерная археология» ЖШС бас ғылыми қызметкері
(Қазақстан, Шымкент қ.) E-mail: o.baytanaeva@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0951-7378>

Отар Әл Фараби Нұрмаханбетжанұлы
гуманитарлық ғылымдардың магистрі
«Инженерная археология» ЖШС ғылыми қызметкері
(Қазақстан, Шымкент қ.) E-mail: alfarabiotar@
<https://orcid.org/0000-0002-3976-0838>

ШҰБАРСУ ЕЛДІМЕКЕНІНДЕГІ АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР

Аңдатпа

Мақалада Шымкент қаласының солтүстік-батысында, Қайнарбұлақ өзенінің сол жағалауында орналасқан Шұбарсу ескерткішіне жүргізілген археологиялық зерттеулердің нәтижелері берілген. 2025 жылы Шұбарсу ескерткіштерінде жүргізілген археологиялық қазбалар өңір үшін бұрын-соңды белгісіз типологиялық нысандарды анықтады. Оның негізіндегі диаметрі шамамен 40 м, биіктігі – 4,5 м. Объектінің ішкі кеңістігі овалды пішінде (9×6,6 м) болып, тығыз нығыздалған балшықпен толтырылған. Ішінде екі құдық табылды, олардың ішінде керамика фрагменттері, жануарлар сүйектері және күл қабаттары, балшықпен көмілген. Екінші нысан – бастапқыда «қоныс» ретінде қабылданған «мұнараға» жапсарлас алаң, шамамен 1 м қалыңдықтағы сазды платформа түрінде сақталған. Оның үстінде топырақпен көмілген шұңқырлар орналасқан, олардың ішінде сынған керамика, жануар сүйектері, тас және металл бұйымдары табылған. Алдын ала мәліметтер бойынша, бұл ескерткіштердің керамикалық кешені б.з. IV-VI және VII-VIII ғасырларына жатады.

Стратиграфия мен археологиялық материалдарды талдау Орталық Азияның көне қоғамдарына тән, тағам қалдықтары мен құрбандық заттарын сақтау мақсатында жүргізілген рәсімдік әрекеттермен байланысты бұл нысандардың ритуалдық сипатта болғанын көрсетеді.

Шұбарсу қонысындағы археологиялық зерттеулер 2025 жылғы «04» наурыздағы мемлекеттік сатып алу келісімшарты № 32 негізінде, Шымкент қаласы мәдениет, тілдер және архивтер басқармасының «Шымкент қаласының мұражайлар одағы» коммуналдық мемлекеттік қазыналық кәсіпорны мен «Инженерлік археология» жауапкершілігі шектеулі серіктестігі арасында жүргізілді.

Кілт сөздер: Оңтүстік Қазақстан, Қайнарбұлақ өзені, Қауыншы мәдениеті, ерте ортағасыр, Балшықтан тұрғызылған құрылыстар, керамикалық кешен, күл қабаттары, ежелгі салт жоралғылар.

Baitanayev B.

Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the National Academy of Sciences
of the Republic of Kazakhstan
Chief Researcher at the A.Kh. Margulan Institute of Archaeology (Kazakhstan, Almaty) E-
mail: baytanaev1962@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2013-0473>

Baitanaeva O.

Candidate of historical sciences,
Chief researcher at LLP "Engineering Archaeology"
(Kazakhstan, Shymkent) E-mail: o.baytanaeva@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0951-7378>

Otar A.

Master of Humanities
Researcher at LLP "Engineering Archaeology"
(Kazakhstan, Shymkent) E-mail: alfarabiotar@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-3976-0838>

ARCHAEOLOGICAL STUDIES OF THE SHUBARSU SETTLEMENT

Annotation

The article presents the results of archaeological research of the Shubarsu monument, located on the northwestern outskirts of the city of Shymkent, near the Kainarbulak residential area, on the left bank of the river of the same name. Archaeological excavations at the Shubarsu sites, conducted in 2025, revealed typologically previously unknown objects in the region. The first is a tower-like construction made of specially prepared clay. Its base diameter is approximately 40 meters, with a height of 4.5 meters. The internal space of the structure, which has an oval shape (9×6.6 meters), was filled with densely compacted clay. Inside, two wells were discovered, containing fragments of pottery, animal bones, and ash layers buried under clay. The second structure – a platform adjacent to the "tower" and initially identified as a "manor" – is a clay platform approximately 1 meter thick, containing pits filled with earth-covered finds, including broken ceramics, animal bones, as well as stone and metal objects. The ceramic assemblage from these sites is preliminarily dated to the IV-VI and VII-VIII centuries AD.

The analysis of stratigraphy and archaeological materials indicates the ritual nature of the sites, associated with ceremonial practices of ancient Central Asian societies aimed at preserving the remains of food and sacrificial offerings.

The archaeological research at the Shubarsu site was conducted based on the state procurement contract No. 32 dated March 4, 2025, between the State Public Utility Company "Union of Museums of the City of Shymkent" of the Department of Culture, Languages, and Archives of Shymkent City and the Limited Liability Partnership "Engineering Archaeology".

Keywords: South Kazakhstan, Kainarbulak River, Kouchin culture, Early Middle Ages, clay structures, ceramic complex, ash layers, ancient rituals.

Введение

Памятники ритуально-культового характера занимают особое место в археологическом наследии Центральной Азии, поскольку они отражают не только материальную, но и духовную культуру древних обществ. Изучение подобных объектов позволяет реконструировать социальные практики, религиозные воззрения и мировоззренческие установки населения, а также проследить процессы культурных контактов и взаимовлияния между различными регионами.

На территории Южного Казахстана до настоящего времени основное внимание уделялось исследованию поселений, городищ, некрополей и отдельных хозяйственно-бытовых комплексов. Однако находки последних лет свидетельствуют о существовании здесь и специфических сооружений обрядового назначения, которые значительно расширяют представления о характере культурной жизни региона.

В 2024 г. в ходе археологических разведок на северо-западной окраине города Шымкент, в районе жилого массива Кайнарбулак, были зафиксированы объекты,

первоначально отнесённые к категории «поселение» и «усадыба». Их расположение на левом берегу одноимённой реки, а также особенности рельефа позволили предположить наличие древних культурных слоёв. Уже первые раскопки выявили значительное количество керамического материала и признаки техногенного воздействия на культурные отложения.

Расширенные археологические исследования 2025 г. показали, что памятник Шубарсу представляет собой уникальный для Южного Казахстана комплекс, в основе которого находятся массивные глиняные платформы башнеобразного типа, а также площадки с ритуальными ямами, насыщенными остатками жертвенной трапезы. Данные находки не имеют прямых аналогий в регионе, но обнаруживают сходство с обрядами, характерными для культурных традиций Согда и Каунчинского круга.

Таким образом, исследование памятника Шубарсу открывает новые перспективы в изучении архитектуры, обрядовой практики и идеологических представлений населения Южного Казахстана в I тыс. н.э. и вносит существенный вклад в понимание культурного разнообразия раннесредневековой Центральной Азии.

Материалы и методы

Для изучения памятника Шубарсу были использованы комплексные археологические методы, включающие как полевые, так и камеральные работы. Основное внимание уделялось стратиграфическому анализу культурных отложений, фиксации архитектурных элементов и изучению подъёмного материала. В 2024 г. были проведены разведочные работы, в ходе которых объект был выявлен и предварительно зафиксирован. В 2025 г. начались систематические археологические раскопки. Для этого использовалась стандартная методика закладки раскопов и шурфов по квадратной сетке, что позволило проследить стратиграфию культурных слоёв и выделить строительные горизонты. В процессе раскопок применялись как ручные инструменты (лопаты, кирки, шпатели), так и мелкий инвентарь (кисти, совки) для более точной расчистки глиняных конструкций и фиксации деталей.

Полученные данные о стратиграфии, архитектурных особенностях и составе находок были сопоставлены с этнографическими и археологическими аналогиями ритуальных практик Согда и каунчинской традиции. Это позволило реконструировать функциональное назначение памятника как ритуально-культового комплекса.

Обсуждение

Поселение и усадьба Шубарсу, были выявлены в ходе проведения разведок в 2024 г. Они находятся на северо-западной окраине города Шымкент, у жилого массива Кайнарбулак, на левом берегу одноименной реки, вдоль ее русла. Территория памятника в настоящее время отведена под индивидуальное домостроительство. К участку подведены инженерные коммуникации, которые привели к нарушению культурных слоёв объектов и вскрытию значительного количества битой неглазурованной керамики.

По сбору подъёмного материала и очертаниям эти объекты первоначально были отнесены к «поселению» и прилегающей к нему «усадыбе» [1, 263-264]. Однако раскопки и исследования, проведенные в 2025 г., показали, что они представляют собой ранее неизвестный для территории Южного Казахстана тип памятников.

В топографии «поселения» выделяется округлый в плане бугор диаметром у основания – около 40 м, высотой 4,5 м (рис. 1). Северная часть памятника непосредственно примыкает к обрывистому берегу реки. В 60 м к юго-востоку от основного объекта зафиксирована аморфная, вытянутая в плане возвышенность, первоначально принятая за остатки «усадыбы». Ее размеры у основания составляют около 23х20 м, высота – 1,5 м (рис. 2).

В ходе археологических исследований «поселения», которые включали изучение стратиграфии культурных отложений и верхнего строительного горизонта, было установлено, что исследуемый объект представлял собой необычную архитектурную конструкцию, возведённую единовременно в виде башнеобразного сооружения из специально подготовленной глины.

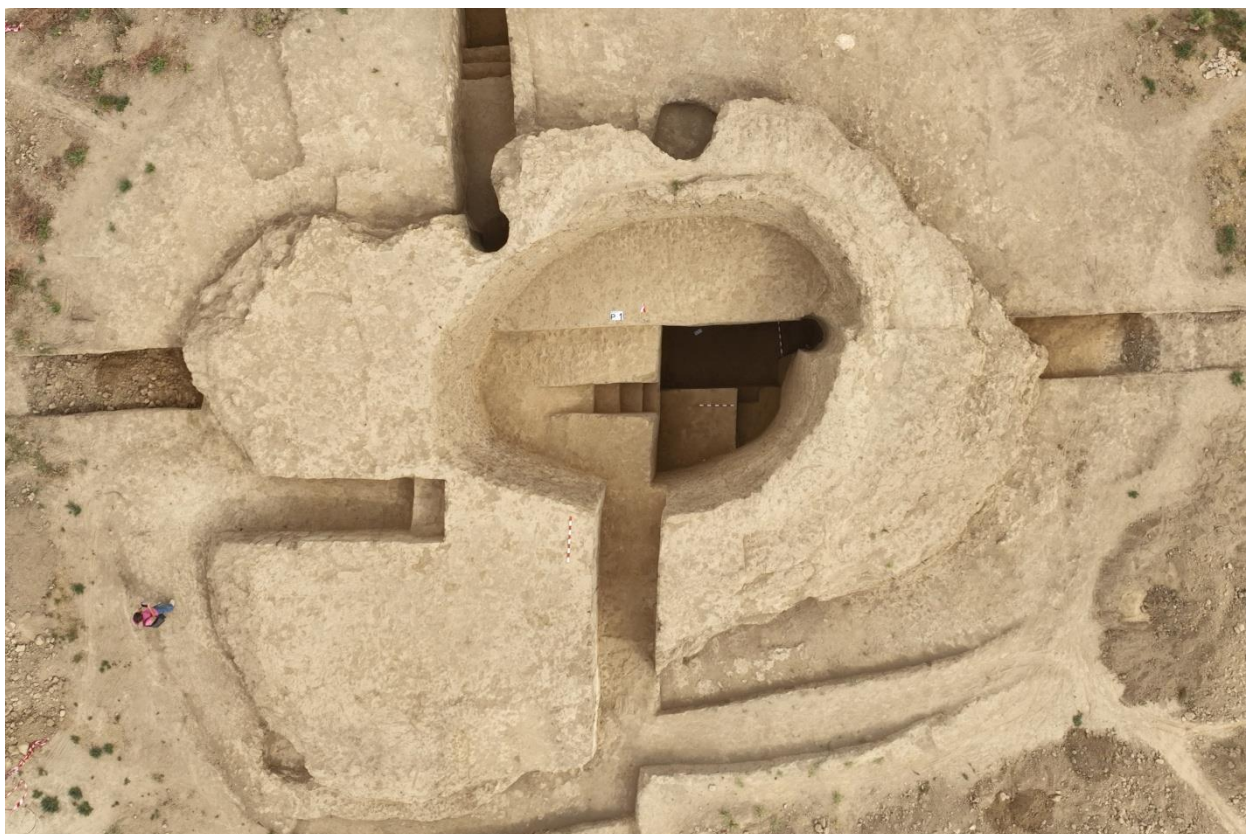

Рис. 1. Раскоп 1 на «башне-платформе» Шубарсу.

Исследование стратиграфии периметра основания центрального сооружения со стороны реки, показало наличие чередования сплошной засыпки и заливки, выполненных из тщательно отмученной глины, что подтверждает её техногенный характер и целенаправленное использование в строительстве объекта.

В результате археологических работ удалось полностью зафиксировать и проследить внешний контур стен исследуемого архитектурного сооружения высотой до 2,2 м, имеющего башнеобразную форму.

Раскопки на верхней площадке выявили овальное внутреннее пространство «башни-платформы» размером 9×6,6 м, чётко прослеживающееся при углублении. Оно было заполнено плотно забутованной глиной, состоящей из блоков, изготовленных из специально подготовленного и тщательно утрамбованного сырья. В процессе расчистки фиксировались отдельные фрагменты глиняных масс в виде округленных блоков (гуволя) или крупных кусков размером в среднем около 30×20 см, а также фрагменты, близкие к этим параметрам.

«Башня» была возведена с использованием специализированных строительных приемов: на древней поверхности была построена овальная конструкция, заполненная плотной глиняной массой, придавшей ей форму постамента, с глубиной около 5 м, что свидетельствует о прочности, высокой организации и мастерства строителей.

Рис. 2. Раскоп 2 на площадке Шубарсу.

Ниже, в восточном секторе внутреннего пространства «башни», был выявлен колодец № 1, диаметром около 1,1 м, а в северной части – колодец № 2 диаметром около 1,2 м. В процессе расчистки колодцев были зафиксированы многочисленные фрагменты керамических сосудов, кости животных и зольные прослойки, уложенные послойно, перекрытые землей или специальной приготовленной глиной – гуволя, что является характерной особенностью ритуальных практик, ориентированных на хранение остатков пищи и других жертвенных предметов.

Примечательно, что вся прилегающая территория вокруг глиняной платформы на глубину до 5 м также была заполнена остатками ритуальной трапезы, что позволяет предположить наличие значительного обрядового пространства вокруг основного сооружения. Здесь также чередовались слои, состоящие из битой керамики, костей животных, золы и зольных прослоек, которые были засыпаны землей или глиной.

Раскопки площадки, прилегающей к «башне-постаменту», изначально принятой за «усадебу», выявили по всей территории мощную глиняную платформу толщиной около 1 м, выполненную из плотной, хорошо отмученной глины. На платформе были устроены ямы (13 шт.), в которых, как и на первом объекте, погребались остатки, свидетельствующие о проведении ритуалов: битая керамика, кости животных, разбитые и сломанные каменные и металлические изделия, а также зола, засыпанные после огненного ритуала землей или специально приготовленной глиной.

Результаты

Керамический комплекс, обнаруженный в ходе исследовательских работ, в большинстве своем имеет свои аналогии среди находок городища Отрар [2, 85-91; 6, 85-91], Шаушукумтобе [3, 109], Шымкент [4, 97-104; 7, 97-104] и др., и предварительно датируется IV-VI вв. н.э. и VII-VIII вв. н.э.

Примечательно, что керамический комплекс, погребенный под глиняной засыпкой, является нетипичным для поселения: отсутствуют крышки, роговидные подставки, светильники, мелкая столовая и крупная тарная посуда. Вся керамика была разбита после трапезы и подвергнута огню, она представлена преимущественно посудой для

приготовления и транспортировки еды. Помимо керамики, обнаружены пряслица, наконечники стрел и разбитые зернотерки – находки, характерные для погребальных памятников.

На объектах Шубарсу не выявлено признаков поселенческого характера, таких как жилищные конструкции и их составляющие – очаги, печи, суфы, выгребные ямы, что также скорее указывает на ритуальный характер функционирования этого памятника.

Обряд бережного хранения остатков горения с ритуальной трапезой характерен для памятников Согда (Еркурган, Сеталак), имевших каунчинские традиции. Р. Х. Сулейманов, интерпретируя культовую принадлежность Сеталак-1 III-V вв. н.э., пишет: «Судя по характеру отложений, обряд проводимый на поселений, заключался в возжигании большого костра и устройства жертвенной трапезы, остатки которой вместе с посудой бросали в кострище, затем все это замуровывалось глиной или слоем земли. ... Очень характерен момент фетишизма пепла от костра. Он как правило, погребался и замуровывался глиной, либо засыпался землей с песком» [5, 115, 121].

Аналогичный обряд с погребением в землю ритуальной пищи со следами горения, чётко прослеживается и материалах памятников Шубарсу, обнаруженных в Туркестанской области впервые. Применение таких ритуалов, как закопанные остатки жертвенной трапезы, указывает на высокую степень организованности общества и важность данного места для общины. Возможно, ритуальные подношения на площадках, расположенных непосредственно у реки родникового происхождения, могли быть связаны с культом плодородия, широко распространенным среди племен Центральной Азии I тыс. н.э., также не исключено, что они могли носить и поминальный характер, связанный с культом предков.

Таким образом, археологические раскопки на Шубарсу и его прилегающей территории, предоставляют уникальные данные для изучения ранее неизвестных архитектурных сооружений и ритуальных практик древних обществ Центральной Азии.

Заключение

Проведённые археологические исследования на памятнике Шубарсу выявили уникальный комплекс, ранее не зафиксированный на территории Южного Казахстана. Первоначально интерпретированные как поселение и усадьба объекты оказались архитектурными сооружениями ритуально-культового назначения, что подтверждается как их конструктивными особенностями, так и характером находок. Башнеобразная глиняная платформа и прилегающая к ней площадка демонстрируют высокую организацию строительных приёмов и специализированный характер сооружений, возведённых для проведения массовых обрядов. Особое значение имеют ритуальные ямы, колодцы и культурные отложения, насыщенные остатками трапезы, керамикой и предметами жертвенного характера. Эти данные исключают поселенческую функцию памятника и позволяют рассматривать его как культовый центр, связанный с обрядами поклонения предкам и плодородию. Керамический комплекс, датируемый IV–VIII вв. н.э., указывает на принадлежность памятника к культурному кругу Центральной Азии раннесредневекового времени, при этом обрядовые практики демонстрируют сходство с традициями Согда и каунчинской культурной среды. Впервые зафиксированные на территории Туркестанской области, они открывают новые перспективы для изучения идеологических представлений и религиозных практик населения региона в I тыс. н.э. Таким образом, Шубарсу представляет собой выдающийся археологический объект, позволяющий реконструировать ритуальные формы и мировоззренческие установки древних обществ Южного Казахстана, и занимает особое место в ряду памятников раннесредневековой Центральной Азии.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1 Свод памятников истории и культуры города Шымкент / Под общей редакцией академика НАН РК Байтанаева Б. А. – Шымкент: «Хикария», 2024. – 408 с.

- 2 Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар: (топография, стратиграфия, перспективы). – Алма-Ата: Наука, 1972. – 215 с.
- 3 Максимова А. Г., Мерсчиев М. С., Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Древности Чардары: (Археологические исследования в зоне Чардаринского водохранилища). – Алма-Ата: Наука, 1968. – 263 с.
- 4 Байтанаев Б. А. История Шымкента: 2200 лет по археологическим источникам. – Алматы: «Хикария», 2012. – 251с.
- 5 Культура древнебухарского оазиса III–VI вв. н.э. – Ташкент: «ФАН». – 128 с.
- 6 Байпаков К.М. Средневековый Отрар и его округа. – Алма-Ата: Наука, 1972. – 91 с.
- 7 Ерзакович Л.Б. Археологические исследования в районе Шымкента. – Ташкент: Фан, 1977. – 104 с.

REFERENCES

1. Svod pamyatnikov istorii i kultury goroda Shymkent / Pod obshchey redaktsiyey akademika NAN RK Baytanaeva B. A. – Shymkent: "Hikariya", 2024. – 408 s.
2. Akishev K. A., Baypakov K. M., Erzakovich L. B. Drevniy Otrar: (topografiya, stratigrafiya, perspektivy). – Alma-Ata: Nauka, 1972. – 215 s.
3. Maksimova A. G., Mershchiev M. S., Vaynberg B. I., Levina L. M. Drevnosti Chardary: (Arkheologicheskiye issledovaniya v zone Chardarinskogo vodokhranilishcha). – Alma-Ata: Nauka, 1968. – 263 s.
4. Baytanaev B. A. Istoriya Shymkenta: 2200 let po arkheologicheskim istochnikam. – Almaty: "Hikariya", 2012. – 251 s.
5. Kultura drevnebukharskogo oazisa III–VI vv. n.e. – Tashkent: "FAN". – 128 s.
6. Bajpakov K.M. Srednevekovyj Otrar i ego okruga. – Alma-Ata: Nauka, 1972. – 91 s.
7. Erzakovich L.B. Arheologicheskie issledovaniya v rajone Shymkenta. – Tashkent: Fan, 1977. – 104 s.

ӘОЖ 93:396.51 МҒТАР 07.00.01

Махкамова Рано Аловиддинқызы

докторант

Мирзо Улуғбек атындағы Өзбекстан ұлттық университеті

<https://orcid.org/0009-0008-0914-4728>

E-mail: ranomaxkamova082312@gmail.com

ӘЙЕЛ, СОҒЫС ЖӘНЕ ҚАЙҒЫ: ЕКІНШІ ДҮНИЕЖҮЗІЛІК СОҒЫС КЕЗІНДЕ ТЫЛДАҒЫ ӨЗБЕК ӘЙЕЛДЕРІ

Аңдатпа

Мақалада Екінші дүниежүзілік соғыс жылдарында Өзбекстан әйелдерінің қоғамдағы орны мен қызметі жан-жақты қарастырылады. Соғыс жылдарындағы ауыр жағдайларда әйелдер ауыл шаруашылығы, өнеркәсіп, білім беру, мәдениет және әлеуметтік өмірдің басқа да салаларында белсенді еңбек етті. Зерттеуде олардың тек қана экономикалық үлесі емес, сонымен бірге күнделікті өмірде бастан кешкен эмоционалды-психологиялық тәжірибелері де талданады. Кеңестік идеологияда қалыптасқан «жанқияр әйел» бейнесі ресми үгіт-насихат арқылы таралып, әйелдердің батылдығы мен төзімділігі ерекше көрсетілді.

Мақала архивтік құжаттар, сол дәуірдің баспасөз материалдары мен қатысушылардың естеліктеріне сүйене отырып жазылған. Дереккөздер негізінде соғыс кезіндегі әйелдердің ауыр тағдыры, тұрмыстық қиындықтармен күресі және гендерлік рөлдердің өзгеруі ашып көрсетіледі. Автор зерттеу барысында тарихи деректерді салыстырмалы талдау әдісін қолдана отырып, әйелдердің әлеуметтік бейнесін жаңа қырынан көрсетуге ұмтылады. Бұл еңбек өзбек әйелдерінің соғыс жылдарындағы әлеуметтік-экономикалық және мәдени өмірдегі үлесін түсінуге, сондай-ақ гендерлік тарихты тереңірек зерделеуге мүмкіндік береді.

Кілт сөздер: Өзбекстан, Екінші дүниежүзілік соғыс, Әйел еңбегі, Гендерлік рөлдер, Әлеуметтік қызмет, Мәдени қызмет, Эмоционалды тәжірибе, Жанқияр әйел, Ауыл шаруашылығы мен өнеркәсіп.

Махкамова Раъно Аловиддин кизи

докторант

Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека

Исторический факультет

<https://orcid.org/0009-0008-0914-4728>

E-mail: ranomaxkamova082312@gmail.com

ЖЕНЩИНА, ВОЙНА И СТРАДАНИЕ: УЗБЕКСКИЕ ЖЕНЩИНЫ В ТЫЛУ ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация

В статье всесторонне анализируется социальная, экономическая и культурная деятельность женщин Узбекистана в годы Великой Отечественной войны. В условиях военного времени женщины активно трудились в сельском хозяйстве, промышленности, образовании, культуре и других сферах общественной жизни. Рассматривается не только их экономический вклад в развитие страны, но и эмоционально-психологические испытания, с которыми они сталкивались в повседневной жизни. Особое внимание уделено образу «самоотверженной женщины», который формировался и закреплялся в советской идеологии

посредством официальной пропаганды, где подчеркивались стойкость, смелость и терпение женщин.

Исследование основано на архивных документах, материалах периодической печати и мемуарных источниках. На основе этих данных освещается трудная судьба женщин военного времени, их борьба с бытовыми лишениями, а также изменение традиционных гендерных ролей в условиях войны. В статье применяются сравнительно-исторический и аналитический методы, что позволяет представить более полную картину участия женщин в социально-экономической и культурной жизни страны. Работа способствует углубленному изучению гендерной истории и позволяет осмыслить роль женщин Узбекистана в годы войны как важную часть исторической памяти народа.

Ключевые слова: Узбекистан, Вторая мировая война, Женский труд, Гендерные роли, Социальная деятельность, Культурная деятельность, Эмоциональный опыт, Самоотверженная женщина, Сельское хозяйство и промышленность.

Makhkamova R.

Doctoral student

National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek

Faculty of History

<https://orcid.org/0009-0008-0914-4728>

E-mail: ranomaxkamova082312@gmail.com

WOMAN, WAR, AND SUFFERING: UZBEK WOMEN ON THE HOME FRONT DURING THE SECOND WORLD WAR

Abstract

This article provides a comprehensive analysis of the social, economic, and cultural activities of women in Uzbekistan during the years of the Second World War. Under the difficult conditions of wartime, women took an active part in agriculture, industry, education, culture, and various other areas of public life. The study examines not only their economic contribution to the country's development but also the emotional and psychological challenges they faced in everyday life. Special attention is paid to the image of the "selfless woman" created and promoted within Soviet ideology, where women's endurance, bravery, and resilience were emphasized through official propaganda.

The research is based on archival documents, periodical press materials, and memoir sources. Drawing on these data, the article highlights the difficult fate of women during wartime, their struggle with everyday hardships, and the transformation of traditional gender roles in the context of war. By applying comparative-historical and analytical methods, the study seeks to provide a fuller picture of women's participation in the socio-economic and cultural life of the country. This work contributes to a deeper understanding of gender history and emphasizes the significance of Uzbek women's role during the war years as an essential element of the historical memory of the nation.

Keywords: Uzbekistan, Second World War, Women's labor, Gender roles, Social activity, Cultural activity, Emotional experience, Selfless woman, Agriculture and industry, Historical sources.

Введение

Вторая мировая война разворачивалась не только на полях сражений, но и в повседневной жизни тыла, полной напряжённой борьбы. По мере того как мужчины всё больше мобилизовывались на фронт, роль женщин в обществе претерпела глубокие изменения. Женщины Узбекистана взяли на себя трудовые обязанности в тылу и стали важными участницами экономической и социальной жизни республики.

Настоящая статья ставит своей целью изучение деятельности женщин, проживавших на территории Узбекской ССР в годы Второй мировой войны, с позиции гендерной историографии. В частности, анализируются трансформации гендерных ролей в условиях привлечения женщин в качестве трудового ресурса в сельское хозяйство, промышленность, сферу образования, здравоохранения и культуры, а также рассматриваются их психоэмоциональное состояние и феномен «эмоционального труда».

Исследование направлено на поиск ответов на следующие вопросы: в каких сферах трудились узбекские женщины в годы войны и как это повлияло на их положение в обществе? В каком «идеальном образе» они интерпретировались советской идеологией и какие противоречия возникали между этой интерпретацией и реальным опытом? Какими источниками раскрываются психоэмоциональные переживания женщин и в чём заключается их историческое значение?

Данная проблематика получила широкое освещение в западной историографии (Джоанна Бурк, Сьюзен Грейзел, Маргарет Хигоннет и др.) на основе феминистского и гендерного анализа. Однако в контексте Центральной Азии, в частности Узбекистана, эмоциональные и личностные измерения женского опыта, а также исследование, основанное на неофициальных исторических источниках, до сих пор остаются недостаточно изученными. В связи с этим настоящая статья стремится осветить деятельность узбекских женщин военных лет не только на основе официальных документов, но и устной истории, воспоминаний, газетных публикаций и личных рассказов.

Научная новизна статьи заключается в том, что история женщин рассматривается через призму современных исторических концептов, таких как гендерная асимметрия, трудовая эксплуатация, психоэмоциональная нагрузка и идеологический контроль.

Анализ научной литературы

Изучение участия женщин в годы Второй мировой войны с исторической и гендерной точек зрения в последние десятилетия оформилось в глобальной историографии как отдельное направление. Феминистская историография рассматривает данную проблематику не только в рамках трудовой статистики, но и в контексте социально-политического статуса женщин, их эмоционального опыта и трансформации гендерных ролей.

Так, Джоанна Бурк [1.384] в своём исследовании показывает, что в Великобритании женщины в годы войны благодаря труду смогли приблизиться к социальному статусу, сопоставимому с мужским. Д'Анн Кэмпбелл [2.320], в свою очередь, анализирует расширение гендерных норм через включение американских женщин в военные сферы. В европейской историографии такие авторы, как Маргарет Р. Хигоннет, Нэнси М. Вингфилд и Сьюзен Р. Грейзел, исследуют активное участие женщин в войне через призму гендерной политики, национальной идеологии и маскулинизированного образа женственности. Они выявляют, каким образом во время войны происходила трансформация гендерных стереотипов и как в послевоенный период эти изменения были вытеснены консервативными ролями.

В контексте Советского Союза и Центральной Азии, в особенности в отношении Узбекистана, исследования по данной теме до сих пор развиты недостаточно. Юлия Градскова в своей работе «Soviet Politics of Emancipation of Women During the Cold War» (2020) [3.270] критически анализирует советскую политику эмансипации женщин. Она подчёркивает, что политика «освобождения» женщин зачастую оставалась лишь на уровне пропаганды, в то время как на практике женщины выполняли многочисленные невидимые и эксплуататорские обязанности.

В узбекской историографии существуют отдельные значимые подходы к данной проблематике. Так, Н. Тошходжаева, М. Йулдашева, М. Охунова и другие [4] исследовали экономическую и социальную активность узбекских женщин в годы войны. Однако их работы в основном опираются на статистические данные и партийные документы. В этих

исследованиях практически не рассматриваются эмоциональные, психологические, культурные и гендерные измерения женского опыта.

Настоящая статья стремится восполнить данный пробел. Соединяя западные теоретические подходы с локальным историческим контекстом, автор обращается к многоаспектной и неофициальной природе опыта узбекских женщин в военные годы. Такой подход опирается на современные методологические инструменты гендерной историографии — дискурсивный анализ и концепции эмоциональной истории.

Источники и методология

Настоящее исследование при изучении деятельности женщин Узбекской ССР в годы Второй мировой войны опирается на современные подходы гендерной историографии, эмоциональной истории и дискурсивного анализа. Цель заключается в том, чтобы рассматривать женщин не только как статистический трудовой ресурс, но и как сложных социально-политических, эмоциональных и культурных субъектов. Задача исследования — проанализировать опыт женщин военного времени в многогранном контексте официальных дискурсов, идеологических образов и личных историй.

Основная источниковая база исследования включает:

- документы Центрального государственного архива Республики Узбекистан (фонды № 837, 32 и 2766), содержащие материалы о труде, партийных решениях и протоколах местных органов управления;
- советскую прессу, в частности газеты «Қизил Ўзбекистон» и «Правда» (1940–1945), которые отражают интерпретации гендерных образов и механизмы пропаганды;
- интервью, собранные с использованием метода устной истории, в том числе жизненные рассказы женщин, трудившихся в тылу в годы войны (например, воспоминания участника Второй мировой войны дядя Анорбоя);
- женские мемуары, изданные в советский период, а также бюллетени о медицинской и духовной службе, письма и протоколы культурных мероприятий.

Труд женщин в сельском хозяйстве и реконструкция гендерных ролей

В годы Второй мировой войны сельское хозяйство в Узбекской ССР было реорганизовано как приоритетная отрасль экономики. В рамках советской военной стратегии задача обеспечения экономической стабильности была возложена на тыловое население, в особенности на женщин. В связи с этим женщины начали массово привлекаться к аграрному труду. Такая ситуация привела к временному, но весьма значительному пересмотру и реконструкции гендерных ролей.

Уже в августе 1941 года из 13 776 курсантов двухмесячных курсов трактористов при МТС (машинно-тракторные станции) и школах механизаторов в Узбекистане 12 478 человек, или 82,4 %, составляли женщины [5.190]. Подобные изменения свидетельствуют о перераспределении труда на гендерной основе в условиях войны. Как отмечает Маргарет Р. Хигоннет и другие исследователи, в военный период «гендерные идентичности временно размываются», что открывает женщинам путь к освоению новых социальных пространств.

К весне 1942 года в Узбекистане 3800 женщин работали в составе 75 специальных женских тракторных бригад. На их плечи были возложены такие задачи, как управление тракторами, эксплуатация агропромышленной техники, организация хлопководства [6.110]. К 1943 году только в Ташкентской области 4215 женщин завершили курсы трактористов. Среди них в прессе активно пропагандировались фигуративные героини, такие как Махбуба Джураева [7]. Подобные образы показывают, каким образом гендерные стереотипы перерабатывались в идеологическом ключе.

Тем не менее эти «эмансипационные» нарративы в основном формировались на идеологическом уровне. Юлия Градскова в своих исследованиях отмечает, что советская политика женской эмансипации зачастую носила характер «сверху вниз» и резко расходилась с реальным опытом женщин (Градскова, 2020).

Этот труд привёл к реконструкции гендерных ролей, однако в Европе данные изменения зачастую носили непостоянный характер. В Центральной Азии, в частности в Узбекистане, ситуация сложилась иначе. В своих статьях Джоанна Бурк отмечает, что после окончания войны женщины во многих случаях возвращались к традиционным обязанностям «домохозяйки». Это явление она определяет как «conditional empowerment» («условное расширение возможностей») — когда женщинам временно предоставлялись сила, социальный статус и признание, однако в мирное время эти свободы существенно сокращались (Bourke, 1999).

В Узбекистане же процесс развивался по-другому: многие женщины продолжили свою трудовую деятельность и после войны. Женщины оставались активными в производстве и в управленческих структурах. Так, в 1950-е годы более трёх тысяч женщин занимали руководящие должности, а 75–80 % рабочей силы швейных и текстильных фабрик составляли женщины [8.18].

Исследование также выявляет эмоциональный труд (emotional labor), выполняемый женщинами. Этот концепт был впервые разработан Арли Хохшильд и предполагает анализ не только физического труда, но и эмоционального напряжения в структуре социальных отношений [9.338]. Женщины Узбекистана работали в полях, воспитывали детей, переживали утраты и одновременно интерпретировались как «самоотверженные женщины». Их «двойная смена» (работа + дом) не отражалась во многих официальных документах, однако ярко проявляется в материалах устной истории, особенно в интервью.

Так, в воспоминаниях участника Второй мировой войны дядя Анарбая повседневная жизнь женщин описывается следующим образом: «С первыми сумерками утра нужно было идти в поле и трудиться до самой темноты, не покидая участка. Пока солнце не зайдёт и вокруг не станет ничего видно, женщины продолжали работать. Чтобы быстрее собрать урожай, приходилось оставаться в полевых шипонах по 10–15 дней подряд. На заводах и фабриках бывали времена, когда приходилось трудиться даже три смены подряд».

Таким образом, труд женщин Узбекистана в сельском хозяйстве в годы Второй мировой войны отражает сложный исторический опыт, сформировавшийся на пересечении советской гендерной политики и военной идеологии. Этот опыт демонстрирует идеологическую переработку гендерных ролей, невидимость эмоционального труда и краткосрочный характер условной эмансипации.

Участие женщин в промышленности и строительстве: экономическая необходимость и идеологический труд

Вторая мировая война потребовала резкой переориентации промышленного производства в Советском Союзе на военные нужды. В результате мобилизации мужчин и их отправки на фронт резко возросла потребность в рабочей силе на промышленных предприятиях. Для восполнения этого дефицита в Узбекской ССР женщин массово привлекали к работе в тяжёлой промышленности, металлургии, техническом обслуживании и строительстве. Это привело к резкому пересмотру гендерной структуры рынка труда.

Так, в 1941 году на заводе «Ташсельмаш» женщины составляли 52,6 % из 2624 рабочих, а к ноябрю того же года на 42 ташкентских промышленных предприятиях 7620 женщин осваивали «мужские» профессии. Они проходили краткосрочные курсы и обучались специальностям сварщика, токаря, механика и др. [10.144]. Эта ситуация соответствует понятию «instrumental inclusion» («инструментальное включение»), введённому Джоанной Бурк, когда женщин временно привлекают в технические сферы исключительно в силу экономической необходимости (Bourke, 1999).

В печати данный процесс постоянно идеализировался. Так, газета «Қизил Ўзбекистон» в номере от 15 июля 1944 года героически описывала трудовую деятельность Фазоиلى Урозовой на Ташкентском заводе металлических изделий. В строительстве Ташкентского канала участвовали колхозницы Ташкентского района имени Кирова Х. Эргашева и З.

Тухтаходжаева, перевыполнившие нормы земляных работ на 600–700 %. Их примеру последовали 70 женщин из Янгиюля, которые также выполняли свои нормы на 300–500 % [11].

Советская пресса стремилась представить женщин как «героинь трудового фронта». Однако, как отмечает Юлия Градскова, подобные образы часто конструировались государственной идеологией и могли существенно расходиться с реальным опытом женщин (Gradszkova, 2020).

Участие женщин в строительной сфере и в социальной инфраструктуре: забота, стабильность и общественная видимость

Женщины и девушки также принимали участие в возведении оборонительных сооружений. Эти изменения в трудовой деятельности, с одной стороны, способствовали росту компетенций женщин в технических сферах, но, с другой стороны, весь процесс проходил под жёстким идеологическим контролем. Несмотря на то что социальный статус женщин внешне повышался, их труд зачастую оставался в рамках «условной эмансипации» (conditional emancipation) (Higonnet et al., 1987).

В годы войны на тыл возлагались стратегически важные задачи заботы и поддержания социальной стабильности — в сферах образования, здравоохранения и культуры. Эти направления, в соответствии с советской гендерной политикой, трактовались как «естественное» проявление женственности, однако на деле именно женский труд сыграл центральную роль в обеспечении социальной устойчивости фронта.

Женщины заботились о сиротах, одиноких стариках и инвалидах, облегчая их жизнь. Характерным примером стала деятельность ташкентки Бахрихон Акрамовой и её мужа Шоахмада Шомахмудова, чья гуманность получила всесоюзную известность. В начале Великой Отечественной войны, когда в Узбекистан были эвакуированы тысячи сирот, семья Шомахмудовых приютила у себя шестнадцать мальчиков и девочек разных национальностей. Бахрихон Акрамова оберегала жизнь детей, лишившихся родителей, воспитывала их в духе трудолюбия и патриотизма.

В одном из своих выступлений на митинге в Ташкенте она заявила: «Мы не обижаем детей. Мы дарим им любовь и заботу. За невинные жертвы мы отомстим врагу. У нас не будет сирот» [12.33]. За свой подвиг Бахрихон Акрамова была удостоена высокого звания «Мать-героиня». Одна из улиц Ташкента носит имя семьи Шомахмудовых.

Многие узбекистанские женщины брали пример с Бахрихон Ашуровой и принимали на воспитание многочисленных детей. Так, например, Фотима Косимова, несмотря на то, что у неё самой было шестеро детей, приютила ещё восьмерых детей разных национальностей [13.26].

В газете «Правда Востока» от 30 января 1942 года была опубликована заметка о событии в семье А. Ходжаевых. Ходжаев задумался об усыновлении одного ребёнка и посоветовался об этом со своей пожилой матерью. Та, немного подумав, с присущей матерям добротой и состраданием ответила: «Ты же знаешь, что я не понимаю русского языка. Этот бедный ребёнок, не зная языка, будет весь день одиноким и грустным. Если уж брать, то лучше сразу двоих» [14].

Это движение постепенно расширялось. Забота о переселённых детях стала делом не только отдельных семей, но и целых коллективов предприятий, учреждений и колхозов. Так, коллектив ташкентского «Заготхлоптреста» организовал в здании своего клуба интернат на 25 детей и полностью обеспечивал его всем необходимым. Ташкентский текстильный комбинат имени Сталина под руководством партийной организации проделал большую работу по оказанию помощи эвакуированным детям. Колхозы Янгиюльского района Ташкентской области на собранные средства организовали детские дома. Девять колхозов этого района приняли на воспитание 100 детей. Колхозы Калининского района Ташкентской области выделили для детского дома 105 тысяч рублей. Восемь колхозов Сырдарьинского района взяли на попечение 190 детей [15.36].

Женщины Ташкента обратились с призывом ко всем женщинам Узбекистана, написав 2 января 1942 года письмо, в котором говорилось: «Выполним наш братский долг перед великим русским народом, народами Украины и Белоруссии. Поднимем ещё выше знамя интернационализма и братской дружбы народов Советского Союза. Пусть растут и крепнут советские дети — наша радость и наше будущее! ... Развернём в Узбекистане широкое народное движение по оказанию общественной помощи эвакуированным и оставшимся без попечения детям».

ЦК КП(б)У возложил на трудовые коллективы обязанность широко обсуждать обращение ташкентских женщин на общих собраниях. При Совете Народных Комиссаров УзССР была создана Республиканская комиссия по вопросам размещения и воспитания детей. Для эвакуированных детей в ряде мест были открыты детские дома. Даже дети из многодетных семей, оставшихся без кормильца и хлеба во время войны, временно воспитывались в этих учреждениях.

Во время Великой Отечественной войны через центральное эвакуационное управление (эвакопункт), созданное для размещения эвакуированного населения, было устроено 43 тысячи детей.

Активность в сфере здравоохранения. В годы войны потребность в медицинских кадрах была чрезвычайно велика, поэтому были предприняты меры по подготовке врачей и среднего медицинского персонала. К началу 1942 года в Узбекской ССР действовали 4103 донора, из которых 3728 составляли женщины. За четыре года войны ими было сдано 38 725 литров крови [16.180]. В период с 22 июня 1941 года по 1 января 1942 года было подготовлено 6,5 тысяч медсестёр и санитарок [17.116-117].

Женщины собирали средства на строительство самолётов и танков, организовывали отправку подарков бойцам, постоянно находились рядом с ранеными в госпиталях. В годы войны советская система здравоохранения оказалась под колоссальным давлением: раненые бойцы, эвакуированные граждане и эпидемиологические угрозы — всё это требовало высокой степени мобилизации женщин.

Труд женщин в сфере образования. В связи с уходом мужчин-учителей на фронт женщины превратились в основную опору школьной системы. В 1945/1946 учебном году в школах республики работало 34 тысячи учителей, из которых 54 % составляли женщины [18.48]. Эти изменения были связаны не только с количественными показателями, но и с трансформацией социальных ролей и гендерных норм. Многие учительницы стали для детей-сирот педагогической и эмоциональной опорой. Хотя «заботливый аспект» женского труда в годы войны нашёл отражение в официальных документах, на практике женщины подвергались эмоциональной эксплуатации, так как одновременно выполняли функции педагога, матери и психологической поддержки.

Участие в сфере культуры и духовности. Женщины-артистки и деятели литературы также сыграли значительную роль в обеспечении культурной и духовной устойчивости тыла. В театрах Узбекистана в 1941–1945 гг. было поставлено 203 новых спектакля. Было проведено 18 568 показов и концертов, которые посетили 6 687 003 зрителя [19.50]. Эти выступления были направлены на укрепление морального духа бойцов и восстановление веры в победу.

Таким образом, хотя активность женщин в сферах образования, медицины и культуры способствовала формированию социального фундамента тыла, этот труд зачастую объяснялся в рамках «естественной женственности». Их эмоциональное и психологическое напряжение, невидимый труд и многослойные обязанности должны рассматриваться через призму эмоциональной истории и гендеризированного труда. Это позволяет осмыслить женщин не только как статистический ресурс, но и как активных субъектов, создающих социальную и культурную устойчивость.

В годы войны женщины участвовали не только в производстве и сфере заботы, но и в масштабных общественных движениях, благотворительных акциях, духовно-

просветительской пропаганде и кампаниях по поддержке фронта. Советская идеология трактовала эту активность как «политическое пробуждение женщин», однако в реальности она разворачивалась преимущественно в контексте социального давления, патриотической мобилизации и гендерно обусловленных обязанностей.

В 1941–1945 гг. женщины города Ташкента и области организовали благотворительные кампании по отправке на фронт обуви, одежды, медикаментов, продуктов питания и гигиенических средств. Согласно статистическим данным, женщины-колхозницы Урта-Чирчикского района Ташкентской области проявили инициативу, засеяв 30 гектаров земли различными культурами для создания продовольственного фонда в поддержку семей советских бойцов [20.33].

В 1942–1944 гг. в Ташкентской области были организованы «женские учебные группы», «культурные мероприятия для школ» и агитационные бригады под лозунгом «За Родину», в которых активно участвовали многие женщины. Они выступали с докладами в школах, сельских сходах и на предприятиях о задачах, имеющих важное значение для победы в войне, способствуя поддержанию идеологической стабильности среди населения.

Юлия Градскова отмечает, что подобная деятельность использовалась советской идеологией для создания образцовых образов женской политической активности. Она называет этот процесс «идеологической эмансипацией», подчеркивая, что он представлял собой не реальную политическую власть, а скорее конструкцию женственности в рамках внешней социальной активности (Gradska, 2020).

Женщины, участвовавшие в пропаганде и общественных движениях, часто изображались в образах «патриотической матери», «самоотверженной узбекской женщины». Синтия Энло определяет подобные образы как «стратегическую гендеризацию», то есть использование женского труда и эмоциональной вовлеченности в качестве инструмента для нужд государственной идеологии (Enloe, 2000).

В годы Второй мировой войны узбекские женщины становились опорой общества не только в сферах труда, благотворительности и пропаганды, но и в поддержании психологической и эмоциональной устойчивости. Они сталкивались с эмоциональным давлением, горем от утраты близких, социальной изоляцией, моральной нагрузкой и физическим истощением, противостояли невидимым, но глубоко оставляющим след аспектам войны.

С помощью подхода эмоциональной истории эти процессы можно проанализировать с гендерной точки зрения. Одним из тяжёлых последствий войны было то, что мужчины уходили на фронт и многие из них не возвращались. Архивные материалы и устные истории показывают, что многие женщины в годы войны теряли мужей, сыновей и братьев. Они воспринимали это как глубокий психологический удар, но одновременно как обязательство проявлять терпение перед обществом.

Барбара Тейлор и Джоанна Бурк называют подобное явление «гендерной стойкостью» (gendered resilience), то есть ассоциируют женщин с терпением, самоотверженностью и молчаливым горем (Taylor, 2004; Bourke, 1999).

Помимо трудовой деятельности, женщины также несли психологическое давление: заботились о семье, воспитывали детей, выполняли государственные задания, участвовали в благотворительных и культурных мероприятиях, работали ночами без сна и ожидали новостей с фронта. Эти факторы вызывали у многих женщин хронический стресс, депрессию и эмоциональное истощение. Например, через образы Ра'но и Робии в романе О'ткира Хашимова «Между двумя дверями» отражены внутренние переживания таких женщин [21.624].

Арли Хохшильд в своей книге «The Managed Heart» называет этот процесс «невидимым эмоциональным трудом», то есть трудом по контролю, скрытию и адаптации собственных эмоций в соответствии с требованиями общества (Hochschild, 1983). Этот труд не имеет физического проявления, но постепенно приводит женщин к эмоциональной и социальной

эксплуатации. Например, трудовые бригады в Ташкенте, учителя в школах, медсестры, работающие ночами в госпиталях, артисты, ежедневно выступавшие перед ранеными солдатами — каждая из этих групп обладала высокой социальной активностью, но была вынуждена преодолевать её с сердечной болью, страхом и одиночеством.

Анализ психоэмоционального состояния женщин демонстрирует их «невидимый груз» в истории. С точки зрения гендерной истории, опыт узбекских женщин в годы войны — это не только трудовая статистика, но и история эмоциональной устойчивости, служения обществу, эксплуатации и невидимого труда. Они были символами стабильности для государства, но оставались одинокими со своими психологическими потребностями.

Закключение

Данная статья была посвящена анализу экономической, социальной и культурной деятельности женщин в годы Второй мировой войны на территории Узбекской ССР с опорой на теории гендерной истории и эмоциональной истории. В работе были рассмотрены следующие вопросы: в каких сферах женщины проявляли активность? Как эта деятельность повлияла на их гендерные роли? Как государственная идеология интерпретировала их труд? Как формировалось психоэмоциональное состояние женщин? И, наконец, как эту историческую практику можно проанализировать с использованием современных теоретических подходов?

Исследования показали, что в годы войны женщины заменяли мужчин в хлопководстве, промышленности, строительстве, здравоохранении, образовании, культуре, благотворительности и пропаганде, становясь ведущей силой в обеспечении социальной и экономической стабильности тыла. Их участие часто интерпретировалось в рамках идеи «естественной женственности», как проявление заботы, преданности и средства поддержания социальной устойчивости.

Государственная идеология продвигала образы женщин как «верных матерей Отчизне» и «преданных тружениц», однако это привело к девальвации их эмоционального труда и игнорированию психологических нагрузок. В статье анализ этих процессов осуществлен на основе теории эмоционального труда Арли Хохшильд, концепции милитаризованного гендера Синтии Энло и модели советской эмансипации Юлии Градсковой.

Эмоциональная устойчивость женщин, их борьба с потерями, социальной изоляцией и психологическим давлением превратили их не только в исторических субъектов, но и в носителей невидимого эмоционального труда.

Таким образом, участие узбекских женщин в годы Второй мировой войны — это не только история цифр и официальной статистики, но и многогранный социальный, эмоциональный и культурный опыт, анализ которого с гендерной точки зрения представляет собой важный теоретический и эмпирический источник для современной историографии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bourke, J. *Dismembering the Male: Men's Bodies, Britain and the Great War*. — Chicago: University of Chicago Press, 1999. — 384 p.
2. Campbell, D'Ann. *Women at War with America: Private Lives in a Patriotic Era*. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 1984. — 320 p. — ISBN 978-0-674-95475-5.
3. Gradska, Y. *Soviet Politics of Emancipation of Women during the Cold War: Reconfiguring the Gender Relation*. — Cham: Palgrave Macmillan, 2020. — 270 p. — ISBN 978-3-030-38119-0. — DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-38120-6>
4. Ибрагимова, А. Ю. Женщины Узбекистана в годы Великой Отечественной войны: в помощь лектору. — Ташкент, 1987. — 20 с. Ибрагимова, З. Ф. Коммунисты Узбекистана — организаторы патриотических подвигов женщин республики в период Отечественной войны 1941–1945 гг. — М., 1953. — 74 с. Мадрахимова, Р. Ўзбекистон хотин-қизларининг Улуғ Ватан уруши йилларидаги меҳнат ва жасоратлари. — Тошкент: Фан, 1981. — 64 с. Рахмат, А. Шинелли қизлар: Ўзбекистон хотин-қизларининг гражданлар ва Улуғ Ватан урушларида

- кўрсатган қахрамонликлари хақида очерклар. — Тошкент: Ёш гвардия, 1970. — 264 б.
- Тўлаганова, М. Ўзбекистон хотин-қизлари Улуғ Ватан уруши йилларида: монография. — Тошкент, 1974. — 20 б.
5. История Узбекской ССР: в 4 т. Т. 4. — Ташкент: Изд-во «Фан» УзССР, 1968. — 560 с. — С. 109.
6. История Узбекской ССР: в 4 т. Т. 4. — Ташкент: Изд-во «Фан» УзССР, 1968. — 560 с. — С. 110.
7. Қизил Ўзбекистон. — 1943. — 5 марта.
8. Сулаймонова, Х. С. Ўзбекистон хотин-қизлари — коммунистик қурилишнинг актив қатнашчилари. — Тошкент: Ўзбекистон Фанлар Академияси, 1955. — 40 б.
9. Hochschild, A. R. The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling. — Berkeley: University of California Press, 1983. — 338 p. — ISBN 978-0-520-04804-4.
10. Жўраева, Н. Ўзбекистонда хотин-қизларга муносабат (XX асрнинг 20—80 йиллари мисолида): ўқув қўлланма. — Тошкент: Алишер Навоий номидаги Ўзбекистон Миллий қутубхонаси нашриёти, 2013. — 144 б.
11. Қизил Ўзбекистон. — 1942. — 6 марта.
12. Насриддинова, Й. Ўзбекистон хотин-қизлари. — Тошкент: Ўзбекистон, 1964. — 73 с.
13. Охунова, М. Ўзбекистон хотин-қизлари — коммунизм бунёдкорлари. — Тошкент: Фан, 1984. — 48 б.
14. Правда Востока. — 1942. — 30 января.
15. Воскобойников, Э. А. (пер. М. Иброхимов). Ўзбек халқи Улуғ Ватан уруши йилларида. — Тошкент: Ўздавнашр, 1947. — 47 б.
16. Чадаев, Я. Е. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Мысль, 1985. — 257 с.
17. Узбекская ССР. — Ташкент, 1981. — 555 с.
18. Оқилов, Қ., Аббосова, Л. Ўзбекистон хотин-қизлари маданий қурилишда. — Тошкент: Фан, 1976. — 60 с.
19. Оқилов, Қ., Аббосова, Л. Ўзбекистон хотин-қизлари маданий қурилишда. — Тошкент: Фан, 1976. — 50 с.
20. Аминова, Р. Совет Шарқи ва хотин-қизлар: Совет Шарқи тараққиётининг нокапиталистик йўли ва хотин-қизларнинг озодликка чиқиши. — Тошкент: Қизил Ўзбекистон, Правда Востока, Ўзбекистон, 1964. — 41 с.
21. Ҳошимов, Ў. Икки эшик ораси. — Тошкент: Шарқ, 2013. — 624 с.

REFERENCES

1. Bourke J. Dismembering the Male: Men's Bodies, Britain and the Great War. Chicago: University of Chicago Press, 1999. 384 p.
2. Campbell D'Ann. Women at War with America: Private Lives in a Patriotic Era. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1984. 320 p. ISBN 978-0-674-95475-5.
3. Gradska Y. Soviet Politics of Emancipation of Women during the Cold War: Reconfiguring the Gender Relation. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. 270 p. ISBN 978-3-030-38119-0. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-38120-6>
4. Ibragimova A. Y. Women of Uzbekistan during the Great Patriotic War: A Lecturer's Aid. Tashkent, 1987. 20 p.
- Ibragimova Z. F. Communists of Uzbekistan – Organizers of Patriotic Feats of Women of the Republic during the Great Patriotic War 1941–1945. Moscow, 1953. 74 p.
- Madrahimova R. Labor and Courage of Uzbek Women during the Great Patriotic War. Tashkent: Fan, 1981. 64 p.
- Rakhmat A. Shinelly Girls: Essays on Heroism of Uzbek Women in Civil and Great Patriotic Wars. Tashkent: Yosh Gvardiya, 1970. 264 p.
- Tolaganova M. Uzbek Women during the Great Patriotic War: Monograph. Tashkent, 1974. 20 p.

5. History of the Uzbek SSR, vol. 4. Tashkent: Fan Publishing, 1968. 560 p. p. 109.
6. History of the Uzbek SSR, vol. 4. Tashkent: Fan Publishing, 1968. 560 p. p. 110.
7. Red Uzbekistan. 1943, March 5.
8. Sulaymonova Kh. S. Uzbek Women – Active Participants in Communist Construction. Tashkent: Academy of Sciences of Uzbekistan, 1955. 40 p.
9. Hochschild A. R. The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling. Berkeley: University of California Press, 1983. 338 p. ISBN 978-0-520-04804-4.
10. Zhoraeva N. Attitude to Women in Uzbekistan (20th–80th Centuries): Textbook. Tashkent: Alisher Navoi National Library of Uzbekistan Publishing, 2013. 144 p.
11. Red Uzbekistan. 1942, March 6.
12. Nasriddinova Y. Uzbek Women. Tashkent: Uzbekistan, 1964. 73 p.
13. Okhunova M. Uzbek Women – Builders of Communism. Tashkent: Fan, 1984. 48 p.
14. Pravda Vostoka. 1942, January 30.
15. Voskoboynikov E. A. (transl. M. Ibrokhimov). The Uzbek People during the Great Patriotic War. Tashkent: Uzdavnashr, 1947. 47 p.
16. Chadaev Ya. E. The Economy of the USSR during the Great Patriotic War (1941–1945). 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Mysl, 1985. 257 p.
17. Uzbek SSR. Tashkent, 1981. 555 p.
18. Okilov Q., Abbasova L. Uzbek Women in Cultural Construction. Tashkent: Fan, 1976. 60 p.
19. Okilov Q., Abbasova L. Uzbek Women in Cultural Construction. Tashkent: Fan, 1976. 50 p.
20. Aminova R. Soviet East and Women: Non-Capitalist Path of Soviet Eastern Development and Women's Emancipation. Tashkent: Red Uzbekistan, Pravda Vostoka, Uzbekistan, 1964. 41 p.
21. Khoshimov O. Between Two Doors. Tashkent: Sharq, 2013. 624 p.

Набиджонов Сирожиддин Абдумуталибұлы

Докторант

Өзбекстан Республикасы Ғылым академиясының Әбу Райхан Бируни атындағы
Шығыстану институты

Email: sirojiddinnabijonov75@gmail.com

ORCID: 0009-0008-3021-7522

ҚОҚАН ХАНДЫҒЫ МЕН ТҮРКІСТАН ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРЛЫҒЫ АРАСЫНДАҒЫ САЯСИ ҚАТЫНАСТАРДЫҢ ОРНАУЫ

Аннотация

Қоқан хандығы мен Түркістан генерал-губернаторлығы арасындағы қатынастарды зерттеу бүгінгі күні өзекті ғылыми бағыттардың бірі болып саналады. Әсіресе, 1867 жылы Түркістан генерал-губернаторлығы құрылғаннан кейін Қоқан хандығы мен генерал-губернаторлық арасындағы саяси қатынастардың орнауы мен оны жан-жақты талдау қажеттілігі туындады. Атап айтқанда, 1867 жылдың шілде айынан 1868 жылдың ақпанына дейін өзара жіберілген елшілік хаттар мен ноталардың мазмұн-маңызын айқындау, сондай-ақ елшілердің құрамы, мақсаты мен міндеттерін зерттеп, талдау маңызды мәнге ие.

Белгілі болғандай, XIX ғасырдың екінші жартысында Ресей империясының Орталық Азияға белсенді енуі аймақтың саяси өмірінде елеулі өзгерістерге алып келді. Қоқан хандығы өз тәуелсіздігін сақтау үшін түрлі дипломатиялық жолдарды қарастырды және сонымен қатар Ресеймен қатынастарды белгілі бір деңгейде реттеуге мәжбүр болды. Соның нәтижесінде саяси байланыстардың қалыптасуындағы дипломатиялық тенденциялардың сабақтастығы мен тараптардың өзіндік дипломатиялық дәстүрлері екі жақ арасында жанданды.

Осы тұрғыдан алғанда, мақалада Қоқан хандығы мен Түркістан генерал-губернаторлығының 1868 жылдың ақпан айына дейінгі қысқа мерзім ішінде өзара саяси қатынастар орнатқаны бірқатар шетелдік, жергілікті және мұрағаттық материалдар негізінде салыстырмалы-талдамалық әдіс арқылы қарастырылады және соның нәтижесінде өзара саяси қатынастардың орнау тәртібі мен үдерістері ашып көрсетіледі.

Кілт сөздер: Түркістан генерал-губернаторлығының құрылуы, генерал-губернатор Константин Петрович фон-Кауфманның Ташкент пен Хожентке сапары, Хұдойорхан ибн Шералиханның Бұхара, Хиуа және Ташкентке хаты, Сыртқы істер министрлігінің Азия департаменті директоры П.М. Стремоуховтың арнайы хаты мен императордың жарлығы, генерал-губернатор штабының полковнигі А.В. Шауфус, Қоқан елшісі Сарымсаққожа мен Мирзо Хаким парваначи және т.б.

Набиджонов Сирожиддин Абдумуталиб оглы

Докторант

Институт востоковедения имени Абу Райхана Бируни Академии наук Республики
Узбекистан

Email: sirojiddinnabijonov75@gmail.com

ORCID: 0009-0008-3021-7522

УСТАНОВЛЕНИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ КОКАНДСКИМ ХАНСТВОМ И ТУРКЕСТАНСКИМ ГЕНЕРАЛ- ГУБЕРНАТОРСТВОМ

Аннотация

Изучение взаимоотношений между Кокандским ханством и Туркестанским генерал-губернаторством в настоящее время является одним из актуальных научных направлений. Особенно после образования в 1867 году Туркестанского генерал-губернаторства возникает необходимость детального анализа установления политических отношений между Кокандским ханством и генерал-губернаторством, а также процессов, сопровождавших этот этап. В частности, важное значение имеет выявление содержания и сути дипломатических писем и нот, обмен которыми происходил с июля 1867 года по февраль 1868 года, а также исследование состава, целей и задач посольств.

Известно, что во второй половине XIX века активное продвижение Российской империи в Центральную Азию привело к значительным изменениям в политической жизни региона. Кокандское ханство, стремясь сохранить свою независимость, предпринимало различные дипломатические шаги и одновременно было вынуждено в определённой мере урегулировать отношения с Россией. В результате в процессе установления политических связей проявилась преемственность дипломатических тенденций, а также активизировались самобытные дипломатические традиции сторон.

В этой связи в статье на основе сравнительно-аналитического подхода с привлечением ряда зарубежных, местных и архивных материалов рассматривается установление политических отношений между Кокандским ханством и Туркестанским генерал-губернаторством в короткий период до февраля 1868 года, а также освещаются порядок и процессы формирования данных отношений.

Ключевые слова: образование Туркестанского генерал-губернаторства; визит генерал-губернатора Константина Петровича фон-Кауфмана в Ташкент и Худжанд; письмо Худояр-хана ибн Шерали-хана в Бухару, Хиву и Ташкент; специальное письмо и императорская грамота директора Азиатского департамента МИД П.М. Стремоухова; полковник штаба генерал-губернатора А.В. Шауфус; кокандские послы Саримсакходжа и Мирзо Хаким Парваначи и др.

Nabijonov S.

Doctoral student

Al-Biruni Institute of Oriental Studies of Uzbekistan Academy of Sciences

Email: sirojjiddinnabijonov75@gmail.com

[ORCID: 0009-0008-3021-7522](https://orcid.org/0009-0008-3021-7522)

THE ESTABLISHMENT OF DIPLOMATIC RELATIONS BETWEEN THE KOKAND KHANATE AND THE GOVERNOR-GENERALSHIP OF TURKESTAN

Abstract

The study of relations between the Kokand Khanate and the Turkestan General-Governorship is currently one of the relevant scientific directions. In particular, after the establishment of the Turkestan General-Governorship in 1867, there arose a need for a detailed analysis of the establishment of political relations between the Kokand Khanate and the General-Governorship, as well as of the processes accompanying this stage. Of special importance is the identification of the

content and meaning of diplomatic letters and notes exchanged between July 1867 and February 1868, as well as the examination of the composition, goals, and functions of the embassies.

It is well known that in the second half of the nineteenth century, the active expansion of the Russian Empire into Central Asia led to significant changes in the political life of the region. The Kokand Khanate, seeking to preserve its independence, pursued various diplomatic measures and, at the same time, was compelled to regulate its relations with Russia to a certain extent. As a result, the continuity of diplomatic tendencies and the distinctive diplomatic traditions of the parties became more pronounced in the process of establishing political ties.

In this regard, the article, based on a comparative-analytical approach and drawing on a range of foreign, local, and archival materials, examines the establishment of political relations between the Kokand Khanate and the Turkestan General-Governorship during the short period up to February 1868, and highlights the order and processes of their formation.

Keywords: establishment of the Turkestan General-Governorship; visit of Governor-General Konstantin Petrovich von Kaufman to Tashkent and Khujand; letter of Khudoyar Khan ibn Sherali Khan to Bukhara, Khiva, and Tashkent; special letter and imperial charter of P.M. Stremoukhov, Director of the Asian Department of the Ministry of Foreign Affairs; Colonel A.V. Shaufus of the Governor-General's staff; Kokand envoys Sarimsoqkhoja and Mirzo Hakim Parvonachi; etc.

Introduction. It is known that on July 11, 1867, by decree of Emperor Alexander II (1855–1881), the Governor-Generalship of Turkestan was established, and General-Adjutant Konstantin Petrovich von Kaufman (1867–1882) was appointed as its first Governor-General. His thorough and meticulous policy ensured political dominance over the Uzbek khanates and neighboring states within a short period. In particular, his efforts to establish political relations with the Kokand Khanate led Khudoyar Khan ibn Sherali Khan (1865–1875) to recognize the importance of formalizing political relations. That is, Khudoyar Khan favored establishing only friendly relations that would not directly and negatively affect the internal policy of the khanate.

However, the establishment of these friendly ties resulted in the conclusion of a treaty that contained provisions of a directly colonial nature, impacting both the internal and external policy of the khanate. Indeed, this situation must also be considered in the context of the growing geopolitical and military power of imperial states in the mid-19th century. From this perspective, the study of the establishment of political relations between the Kokand Khanate and the Governor-Generalship of Turkestan remains an urgent issue.

Literature review. In studying the establishment of political relations between the Kokand Khanate and the Governor-Generalship of Turkestan, it must be emphasized that specialized research devoted exclusively to this subject remains rather limited. Consequently, this study has relied primarily on sources and research works concerning the Kokand Khanate during the 1860s of the nineteenth century, which has significantly contributed to a more systematic and comprehensive understanding of the topic. For instance, a substantial portion of the corpus is represented by the works of local historians [1–6]. Notably, the chronicles *Tarikh-i Jahonnomayi* by Avaz Muhammad Attor Khokandi and *Tarikh-i Azizi* by Muhammad Aziz Margiloni provide detailed accounts of events from 1866 and 1868, which in turn allow for a more nuanced examination of the political developments relative to 1867 [7–10].

At the same time, foreign sources also hold considerable value. In particular, D. I. Romanovskiy (1828–1871), in his memoir *Notes on the Central Asiatic Questions*, offers important insights regarding the objectives behind the establishment of the Governor-Generalship, the disagreements within the committee on this matter, and the distinct privileges accorded to its administration in comparison with other guberniyas [11]. Furthermore, one of the archival documents preserved in the National Archive of Uzbekistan contains rare and valuable information

on the stages of establishing political relations between the Governor-Generalship and the Khanate in 1867, including details of diplomatic missions and correspondence exchanges. This document is based on the memoirs of Governor K. P. Kaufman [12].

In the course of this research, scholarly literature and foreign monographs and articles related to the subject have also been encountered. This made it possible not only to compare the present study with previous works and substantiate aspects that had not yet been explored, but also to determine the novelty of the research. In particular, although there are monographs and methodological manuals devoted to the general history of the khanate [13–26], the following works provide more specific analyses directly relevant to the scope of this study: Nosirjon Topildiyev's "The Socio-Political Situation of the Kokand Khanate on the Eve of and during the Conquest by the Russian Empire", Valijon Ishquvatov's "Kokand–Russia Diplomatic Relations in the Historiography of the Second Half of the 20th Century", and Dilshodbek Uraqov's "Political and Economic Relations of the Turkestan General-Governorship with Neighboring States." These studies present a detailed analysis of the establishment of the General-Governorship, the arrival of its first governor in Tashkent and his relations with Kokand, as well as the stages of organizing correspondence and diplomatic missions [27–31]. However, it should be noted that V. Ishquvatov addresses only historiographical issues, while D. Uraqov focuses on the relations of the General-Governorship not with the Kokand Khanate, but rather with other states such as Iran and Afghanistan.

At the same time, the scholarly works of Hamid Ziyoev, *The Struggle Against Russian Aggression and Domination in Turkestan (18th – early 20th centuries)*, N.A. Abdurahimova and F.R. Ergashev, *The Colonial System of Tsarist Rule in Turkestan*, and Zebiniso Kamolova, *The Last Ruler of the Kokand Khanate, Khudayar Khan, and His Era (1845–1875) during the Russian Conquest of the Fergana Valley*, are of great significance. These studies contain fragmentary yet valuable information concerning Kokand–Russian relations in the years 1867–1868 [32–35].

Accordingly, on the basis of the above historiographical analysis, clarification can be provided to the fragmented and ambiguous aspects of previous research regarding Kokand–Russian political relations, thereby contributing to a more precise understanding of how the political ties between the Khanate and the Governor-Generalship were established.

Research Methodology. The study was conducted on the basis of local and foreign sources, archival materials, and scholarly literature concerning the establishment of political relations between the Kokand Khanate and the Turkestan Governor-Generalship. In the research process, source-critical, comparative, systemic, chronological, inductive–deductive, and analysis–synthesis methods were employed. These methods served to ensure that the research was presented in an objective, scholarly, and impartial manner.

Results. On December 11, 1866, Romanovskiy returned from Tashkent to St. Petersburg. In his memoirs, he stated that during his administration of the Turkestan province, which lasted 8 months and 16 days, four of those months were spent engaged in military operations [11, p. 55]. Another study indicates that he governed the province from March to December 1866 [18, p. 70]. Until the establishment of the Turkestan General-Governorship—i.e., from December 11, 1866, to July 11, 1867—the Turkestan province, as part of the Orenburg General-Governorship, was temporarily administered by Kryzhanovskiy. The 13-member Commission unanimously recognized the necessity of providing all means for establishing and maintaining Russian rule in the province. However, the proposal to separate Turkestan from the Orenburg General-Governorship and to establish an independent Turkestan General-Governorship was not supported by the Orenburg administration itself [11, p. 59]. Furthermore, unlike other governorates within the empire, this was conceived as an independent and distinct administrative entity [31, p. 26]. Even the obligations set forth by the "Steppe Commission," established in 1865 to draft a project for the general-

governorship, were not imposed on General-Governor Konstantin Petrovich von Kaufman. Instead, he was granted the discretion to choose which of the recommendations were expedient to implement [11, p. 60]. Emperor Alexander II approved the Committee's proposal on April 11, 1867 [34, p. 41]. By confirming the majority opinion, the emperor decreed the creation of a new military district and the Turkestan General-Governorship on the territory of the former Turkestan province and part of the Semipalatinsk province. He also ordered its division into two new districts—Syr-Darya and Semirechye [11, p. 60]. This decree was officially announced on July 11, 1867 [21, p. 66], though some studies cite July 14 [6, p. 338]. On November 7, 1867, Kaufman arrived in Tashkent [31, p. 27; 12, p. 1a], although some sources mention January 1868 instead [21, p. 66].

Prior to Kaufman's arrival in Tashkent on November 7, 1867, his duties were carried out by the Governor of Orenburg, General N. P. Krijanovskiy [31, p. 27]. Following the establishment of the Turkestan General-Governorship on July 11, 1867, the customs offices of Orenburg and Siberia were abolished and transferred to Tashkent [18, p. 77]. In this context, it was deemed necessary to establish political relations with neighboring states in order to organize trade and ensure the consolidation of Russian political administration in the governor-generalship. Consequently, on November 14, 1867, Kaufman dispatched a letter to Qo'qon, requesting a trustworthy representative to conduct negotiations on trade and friendship [31, p. 27; 27, p. 100; 12, p. 2a]. On November 19, he visited Xo'jand with the purpose of familiarizing himself with the border territories, where he learned that troops were being mobilized in Qo'qon against the Russians and that private gunsmiths were receiving orders from the state treasury for weapons production. Immediately thereafter, in order to halt these activities, he sent a second letter to Qo'qon, explaining that the emperor desired friendship with his neighbors and that his visit to Xo'jand was solely intended for inspection of the frontier regions [31, p. 27; 27, p. 100; 12, p. 1a].

When Xudoyorxon ascended the throne, he initially declared his intention to come to terms with the Russians and began enriching his treasury. Nevertheless, taking into account the succession of Russian officials—M. G. Cherniaev (1828–1898), D. I. Romanovskiy (1867–1871), N. P. Krijanovskiy (1827–1885), and K. P. Kaufman (1867–1882)—each of whom pursued the conclusion of distinct agreements, Xudoyorxon found himself on the verge of shifting away from a conciliatory policy towards Russia. This contrasted with his stance upon regaining the throne in 1865, when he had favored reconciliation with the Russians [9, p. 14].

Furthermore, when Sultan Sayidkhan ibn Mallakhan (1863–1865) appealed to the Ottoman Empire for assistance, Sultan Abdulaziz (1861–1876), in his reply, advised him to unite against the Russians—a counsel that later influenced Xudoyorxon [18, p. 76]. Consequently, Xudoyorxon delayed responding to Kaufman's first letter. In reply to Kaufman's conciliatory message of November 19, he dispatched Sarimsoqkhoja solely to establish friendly relations, explaining the rumors in Qo'qon as mere seasonal practices of changing military uniforms in summer and autumn and conducting troop inspections [12, p. 1a]. According to other sources, Xudoyorxon had even sent letters to Bukhara and Khiva, urging them to form an alliance against Russia [28, p. 133].

Kaufman, however, emphasized that friendship necessitated the conclusion of a trade treaty. On December 19, he made it clear through envoys and a written message to the khan that without a trade treaty, there could be no friendship, and he forwarded a draft consisting of five articles, stating that he could not conceive of its rejection [12, p. 2a]. Yet, recognizing that the proposed treaty directly infringed upon the khanate's internal affairs, Xudoyorxon convened a council [28, p. 137]. Aware of Russian military superiority and the grave consequences of resistance, he was compelled to agree to Articles 1 and 5 of the treaty, which allowed Russian merchants access to all regions of the khanate and passage to neighboring states. However, he declined to provide guarantees against nomadic raids. At the same time, he requested permission to send an embassy to St. Petersburg.

The governor, however, rejected this request, declaring that “the nomads must be subject either to your government or to mine.” He insisted that a journey to St. Petersburg was unnecessary, as all matters could be handled in the emperor’s name by the governor himself. To reinforce this, he even enclosed an imperial decree with his letter to the khan [31, p. 28; 28, p. 138; 12, p. 1b–2a]. This measure was intended to counteract the widespread anti-Russian sentiment within the khanate, where alliances with figures such as Yaqubbek, the ruler of Kashgar, were being considered while awaiting a favorable moment [27, p. 37]. Nevertheless, within the khanate’s administration, unlike among the general populace, there existed factions in favor of compromise. Their concern, however, lay in ensuring that friendship be concluded directly with the emperor, rather than with Kaufman, so that future military or political circumstances would not alter the agreement. Perceiving this hesitation, Kaufman forwarded the imperial decree [31, p. 28; 28, p. 138; 12, p. 2b]. Upon receiving it, the khanate’s officials interpreted negotiations with Kaufman as equivalent to concluding them with the emperor’s authorized representative. As a result, they accepted the treaty, thereby formalizing political relations.

The establishment of friendship and political relations between the Governor-Generalship of Turkestan and the Kokand Khanate began with the conclusion of a trade agreement initiated by the Khanate on 13 February 1868. Prior to this, there had been an exchange of two official letters and two embassies from the Governor-Generalship, as well as three embassies from the Kokand side. These interactions are examined in detail below.

From the Governor-Generalship, two letters and two embassies were dispatched:

- The first letter, dated 14 November 1867, contained a proposal of friendship, notification of the establishment of the Turkestan Governor-Generalship, and the appointment of General K.P. von Kaufman as Governor-General.

- The second letter, dated 19 November 1867, was intended to mitigate the intensification of military activities around Kokand following von Kaufman’s visit to Khujand.

- The first embassy, sent on 19 December 1867, was headed by the staff colonel of the Governor-Generalship, A.V. Shaufus. Its objectives were to secure the signing of a treaty, to assess the attitudes of the Kokand elite and population toward the Russians, to examine the routes between Kokand and Tashkent, and to obtain permits for mineral exploration.

- The second embassy, dispatched on 29 January 1868, sought to resolve the question of authority over nomadic groups—whether under the Khanate or the Governor-Generalship—and clarified that travel to St. Petersburg was not required in exchange for receiving an imperial patent.

From the Kokand Khanate, three embassies were organized:

- The first embassy, at the end of November 1867, was intended to conceal the Khanate’s letters to Bukhara and Khiva soliciting an alliance against Russia, as well as the mobilization of troops and state orders placed with private gunsmiths. Officially, it was presented as an effort to establish relations of friendship. Sadr Sarimsoq Khoja was dispatched as the Khanate’s permanent representative.

- The second embassy, in January 1868, addressed the issue of the nomadic threat by refusing to guarantee compliance with Articles 1 and 5 of the treaty, while simultaneously requesting permission to send an envoy to St. Petersburg. It also sought to obscure the Khanate’s alliance with the ruler of Kashgar, which had been concluded in anticipation of a favorable moment for hostilities against Russia. Mirzo Hakim was sent as the Khanate’s permanent representative in Tashkent.

- The third embassy, in February 1868, conveyed the treaty signed by the Khan. In this instance, Kaufman was regarded as the imperial plenipotentiary, and the treaty was understood to have been concluded with the Emperor himself. At the same time, the embassy requested permission from the Governor-General for non-Russian merchants to pass through Kokand and, via it, to neighboring Asian states.

The process of establishing political relations between the Kokand Khanate and the Governor-Generalship of Turkestan thus unfolded between 14 November 1867 and 13 February 1868.

During the negotiations of 14 and 19 November 1867, the Kokand Khanate appeared to hold the upper hand. By contrast, in the sessions of 19 December 1867 and 29 January 1868, the superiority of the Governor-Generalship was clearly evident. The Governor-Generalship's relative weakness in late 1867 lay in its inability to assume a decisive role in negotiations, largely because it lacked sufficient knowledge of the attitudes of the Khanate's elite and population toward Russia. In other words, at that stage, the Governor-Generalship's policies relied on the external diplomatic posture of the Khanate. This explains why the initial phase of negotiations was comparatively favorable to Kokand.

However, between December 1867 and January 1868, the Governor-Generalship acquired deeper insight into the Khanate's internal politics and the sentiments of both elites and commoners toward Russia. As a result, negotiations became increasingly difficult for the Khanate. The intelligence gathered by embassies—particularly that of Shaufus—proved decisive in shifting the balance of diplomatic engagement in favor of the Turkestan Governor-Generalship, ultimately shaping the establishment of political relations on its terms.

Another significant aspect, as noted by N. Topildiyev, is that the fact that Kokand–Russian relations were resolved in Tashkent constituted a humiliation for the Khanate [28, p. 125]. In other words, the ratification or rejection of the trade treaty—stipulated as a prerequisite for establishing political relations—was effectively determined by the Shaufus embassy. As a result, political relations were established that rendered the Kokand Khanate subordinate.

Regarding the signing of the trade treaty, which was considered the essential instrument for establishing bilateral political relations, R. Nabiyeu has observed that some researchers assume it was concluded already in 1867 [28, p. 131]. Indeed, in the works of Sh. Vohidov and Isaboyeva, one finds the assertion that a Kokand–Russian treaty was signed in that year [10, p. 22; 8, p. 407; 19, p. 126; 7, p. 135]. However, other authoritative studies demonstrate conclusively that the treaty was in fact signed in 1868 [1, p. 10; 18, p. 76; 26, p. 123; 32, pp. 201–207; 22, p. 22; 35, p. 156].

For the Kokand Khanate, the establishment of political relations with the Turkestan Governor-Generalship imposed numerous difficulties beyond the treaty provisions themselves. For instance, on 13 February 1868, Khudayar Khan formally petitioned Governor-General von Kaufman to permit non-Russian merchants to engage in trade within the Kokand Khanate and, through it, with neighboring Asian states [28, p. 139]. This was necessary because foreign traders were already active in the region. By way of illustration, in 1867, silk weighing some 12,000 batmans was exported on 1,000 camels to Hindustan—a figure markedly lower than in previous years [17, p. 62].

Russian merchants also entered the Khanate in 1867, but in the absence of formalized political relations they encountered considerable obstacles to free trade. For example, the trading caravan of the Russian merchant Arzamastev was detained on suspicion of espionage; it was released only after a bribe of 15,000 was paid to the prime minister. Thus, the signing of the trade treaty—integral to the establishment of political relations—granted privileges to Russian merchants and put an end to the difficulties they had previously faced.

At the same time, however, issues pertaining to the internal politics of the Khanate—such as the ability of non-Russian merchants to engage in commerce—became subject to the discretion of the Governor-Generalship.

Conclusion / Recommendations. The establishment of political relations between the Kokand Khanate and the Turkestan General-Governorship was finalized through two letters and envoys from the governorship, and three embassies dispatched by the khanate. The dynamics of these processes reveal that the initial dominance of the khanate was later replaced by the ascendancy of the governorship, ultimately resolving in favor of the latter. Although numerous studies have been conducted on the khanate, the specific process of establishing political relations has not been examined in detail. The available data on this subject are fragmented, and only certain aspects have been addressed in previous research, while others remained vague. This study, by

incorporating newly discovered archival materials, contributes to ensuring greater coherence in the scholarship and offers a comprehensive clarification of the previously obscure aspects.

REFERENCES

1. Yusupov Sh. Khudoyorkhan and Furqat. – Tashkent: Sharq, 1995. – 96 p. (In Uzbek)
2. Mirzo Olim Mushrif. Ansob us-Salotin va Tavorix ul-Khavoqin: Genealogy of Sultans and History of Khans (History of the Kokand Khanate). Prepared for publication by A. Matgoziyev, M. Usmonova. – Tashkent: Gʻafur Gʻulom Literature and Art Publishing House, 1995. – 127 p. (In Uzbek)
3. Isʻhoqxon Toʻra. History of Fergana. Prepared for publication by U. Dolimov, N. Jabborov. – Tashkent: Maʼnaviyat, 2005. – 37 p. (in Uzbek)
4. Sultonov Oʻ. Muhammad Solikh Khoja and His Work “Tarikh-i Jadidai Tashkand”. – Tashkent: Uzbekistan, 2009. – 269 p. (in Uzbek)
5. Mirzo Olim Makhdum Khoja. History of Turkestan. Foreword and annotations by Sh. Vohidov; Transcribed from Arabic script by Sh. Vohidov and R. Xoliqova; Indexes by D. Sangirova and T. Vohidov. – Tashkent: Yangi Asr Avlodi, 2009. – 241 p. (in Uzbek)
6. Khudoyorkhonzoda. Anjuman at-Tavorikh (Stars of History). – Tashkent, 2014. – 348 p.
7. Avaz Muhammad Khoqandi. Tarikh-i Jahonnomayi. Translated from Persian and annotated by Sh. Vohidov. // Sharq Yulduzi journal. 1991. № 8. Pp. 119–140. (In Uzbek)
8. Avazmuhammad Attor Khoqandi. Tarikh-i Jahonnomayi (History Showing the World). Translated from Persian-Tajik, introduction and annotations by Sh. Vohidov. – Tashkent, 2012. – 420 p. (in Uzbek)
9. Muhammad Aziz Margʻiloni. Tarikh-i Azizi (During the Colonial Period in Fergana). Prepared for publication, introduction and annotations by Sh. Vohidov, D. Sangirova. – Tashkent: Maʼnaviyat, 1999. – 112 p. (In Uzbek)
10. Muhammad Aziz Margʻiloni and His “Tarikh-i Azizi” (An Important Source on the Period of Russian Imperial Colonialism). Prepared for publication, introduction and annotations by Sh. Vohidov, D. Sangirova. – Tashkent: Adabiyot Uchqunlari, 2016. – 214 p. (in Uzbek)
11. Romanovski D.I. Notes on the Central Asiatic Questions. Calcutta, 1870. – 205 p. (in English)
12. National Archive of Uzbekistan. Fund I – 1, Inventory 27, Collected File 1128a. (In Russian)
13. Bobobekov H. History of Kokand. – Tashkent, 1996. – 239 p. (In Uzbek)
14. Rasulov A., Isoqboyev A. History of Relations between Turkestan and Russia (Textbook-Manual). – Namangan, 2002. – 127 p. (In Uzbek)
15. Tursunov B. Military Affairs and Army in the Kokand Khanate: Condition, Administration, and Traditions (until the 1870s). Dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences. – Namangan, 2006. – 165 p. (in Uzbek)
16. Khudoyqulov T. Socio-Political, Economic, and Cultural Life of the Kokand Khanate in the 19th Century. Dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences. – Tashkent, 2009. – 156 p. (in Uzbek)
17. Madrahimov Z. Trade Relations in the Kokand Khanate. Dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences. – Namangan, 2009. – 158 p. (in Uzbek)
18. Ahmedova M. Formation of the Kokand Khanate, State System, and Sources of Law. Dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences. – Tashkent, 2010. – 156 p. (in Uzbek)
19. Isoboyeva G. Cultural Life in the Kokand Khanate in the 19th Century. Dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences. – Tashkent, 2010. – 166 p. (in Uzbek)
20. Vohidov Sh. Historiography in the Kokand Khanate. – Tashkent, 2010. – 321 p.
21. Sodiqov H., Joʻrayev N. Turkestan during Tsarist Colonialism. – Tashkent: Sharq, 2011. – 552 p. (in Uzbek)
22. Atadjanov Sh., Ilhomov I., Ishquvatov V., Allayeva N. Historiography of Uzbek Khanates. – Tashkent, 2011. – 87 p. (in Uzbek)

23. History of the Descendants of Khudoyorkhan. Prepared for publication by Sh. Vohidov and Sh. Umarov. – Tashkent: Turon Zamin Ziyo, 2014. – 700 p.
24. Madrahimov Z. History of Trade Relations in the Kokand Khanate. – Tashkent: Yangi Asr Avlodi, 2014. – 176 p. (in Uzbek)
25. Alimova R. Diplomatic and Trade-Economic Relations of the Central Asian Khanates with Neighboring States (Based on Russian Historiography and Sources of the 16th–20th Centuries). – Tashkent, 2017. – 145 p. (in Uzbek)
26. Bobobekov Kh. History of Kokand. – Tashkent: Fan, 2006. – 235 p. (in Russian)
27. Topildiyev N. From the History of Diplomatic Relations of the Kokand Khanate with Russia (from the 19th Century to 1876). – Tashkent: Fan, 2007. – 127 p. (in Uzbek)
28. Topildiyev N. Social and Political Situation of the Kokand Khanate on the Eve of the Russian Empire's Aggression and during the Conquest. Dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences. – Tashkent, 2009. – 175 p. (in Uzbek)
29. Ishquvatov V. Diplomatic Relations between Kokand and Russia in the Historiography of the Second Half of the 20th Century. Dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences. – Tashkent, 2003. – 155 p. (in Uzbek)
30. Ishquvatov V. Historiography of Kokand–Russia Diplomatic Relations. – Tashkent, 2009. – 153 p. (in Uzbek)
31. Uraqov Dilshodbek. Political and Economic Relations of the Turkestan General-Governorship with Neighboring States. – Tashkent, 2021. – 212 p. (in Uzbek)
32. Ziyoyev H. The Struggle against Russian Aggression and Domination in Turkestan (18th – Early 20th centuries). – Tashkent, 1998. – 477 p. (In Uzbek)
33. Ziyoyev H. Uzbekistan under the Yoke of Colonialism and Oppression (from the Second Half of the 19th Century to the Early 20th Century). – Tashkent, 2006. – 309 p. (in Uzbek)
34. Abdurahimova N.A., Ergashev F.R. Tsarist Colonial System in Turkestan. – Tashkent: Akademnashr, 2002. – 240 p. (In Uzbek)
35. Kamalova Z. The Last Ruler of the Kokand Khanate, Khudoyar Khan, and His Era (1845–1875): Russian Conquest in the Fergana Valley. – Istanbul, 2020. – 287 p. (in Turkish)

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Юсупов Ш. Худоярхан и Фуркат. – Ташкент: Шарк, 1995. – 96 с. (на узб. яз.)
2. Мирза Олим Мушриф. Ансоб ус-салотин ва таворих ул-хавокин: родословная султанов и история ханов (история Кокандского ханства). Подготовка к изданию: А. Матгозиев, М. Усманова. – Ташкент: Изд-во литературы и искусства им. Гафура Гуляма, 1995. – 127 с. (на узб. яз.)
3. Исхохон Тура. История Ферганы. Подготовка к изданию: У. Долимов, Н. Джабборов. – Ташкент: Маънавият, 2005. – 37 с. (на узб. яз.)
4. Султанов У. Мухаммад Солих Ходжа и его труд «Тарих-и джадидаи Ташканд». – Ташкент: Узбекистан, 2009. – 269 с. (на узб. яз.)
5. Мирза Олим Махдум Ходжа. История Туркестана. Предисловие и комментарии: Ш. Вахидов; транскрипция с арабской графики: Ш. Вахидов, Р. Халикова; указатели: Д. Сангирова, Т. Вахидов. – Ташкент: Янги Аср Авлоди, 2009. – 241 с. (на узб. яз.)
6. Худоярхонзода. Анжуман ат-таворих (Звезды истории). – Ташкент, 2014. – 348 с.
7. Аваз Мухаммад Коканди. Тарих-и Джахонномай. Перевод с персидского и комментарии: Ш. Вахидов. // Журнал «Шарк юлдузи». – 1991. – № 8. – С. 119–140. (на узб. яз.)
8. Авазмухаммад Атор Коканди. Тарих-и Джахонномай (История, показывающая мир). Перевод с персидско-таджикского, введение и комментарии: Ш. Вахидов. – Ташкент, 2012. – 420 с. (на узб. яз.)

9. Мухаммад Азиз Маргилони. Тарих-и Азизи (В колониальный период в Фергане). Подготовка к изданию, введение и комментарии: Ш. Вахидов, Д. Сангирова. – Ташкент: Маънавият, 1999. – 112 с. (на узб. яз.)
10. Мухаммад Азиз Маргилони и его «Тарих-и Азизи» (важный источник по периоду российского колониализма). Подготовка к изданию, введение и комментарии: Ш. Вахидов, Д. Сангирова. – Ташкент: Адабиёт Учкунлари, 2016. – 214 с. (на узб. яз.)
11. Романовский Д.И. Заметки по вопросам Центральной Азии. – Калькутта, 1870. – 205 с. (на английском языке)
12. Национальный архив Узбекистана. Фонд I – 1, Опись 27, Дело 1128а. (на русском языке)
13. Бобобеков Х. История Коканда. – Ташкент, 1996. – 239 с. (на узбекском языке)
14. Расулов А., Исоқбоев А. История отношений между Туркестаном и Россией (учебное пособие). – Наманган, 2002. – 127 с. (на узбекском языке)
15. Турсунов Б. Военное дело и армия в Кокандском ханстве: состояние, управление и традиции (до 1870-х гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Наманган, 2006. – 165 с. (на узбекском языке)
16. Худойкулов Т. Социально-политическая, экономическая и культурная жизнь Кокандского ханства в XIX веке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Ташкент, 2009. – 156 с. (на узбекском языке)
17. Мадрахимов З. Торговые отношения в Кокандском ханстве. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Наманган, 2009. – 158 с. (на узбекском языке)
18. Ахмедова М. Формирование Кокандского ханства, государственный строй и источники права. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Ташкент, 2010. – 156 с. (на узбекском языке)
19. Исобоева Г. Культурная жизнь в Кокандском ханстве в XIX веке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Ташкент, 2010. – 166 с. (на узбекском языке)
20. Вахидов Ш. Историография в Кокандском ханстве. – Ташкент, 2010. – 321 с.
21. Содиков Х., Жураев Н. Туркестан в период царского колониализма. – Ташкент: Шарк, 2011. – 552 с. (на узб.)
22. Атаджанов Ш., Илхомов И., Ишкуватов В., Аллаева Н. Историография узбекских ханств. – Ташкент, 2011. – 87 с. (на узб.)
23. История потомков Худояр-хана. Подготовили к печати Ш. Вахидов и Ш. Умаров. – Ташкент: Турон Замин Зиё, 2014. – 700 с.
24. Мадрахимов З. История торговых отношений в Кокандском ханстве. – Ташкент: Янги Аср Авлоди, 2014. – 176 с. (на узб.)
25. Алимова Р. Дипломатические и торгово-экономические отношения среднеазиатских ханств с соседними государствами (на основе русской историографии и источников XVI–XX вв.). – Ташкент, 2017. – 145 с. (на узб.)
26. Бобобеков Х. История Коканда. – Ташкент: Фан, 2006. – 235 с. (на рус.)
27. Топилдиев Н. Из истории дипломатических отношений Кокандского ханства с Россией (с XIX века до 1876 года). – Ташкент: Фан, 2007. – 127 с. (на узб.)
28. Топилдиев Н. Социально-политическое положение Кокандского ханства накануне агрессии Российской империи и в период завоевания. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Ташкент, 2009. – 175 с. (на узб.)
29. Ишкуватов В. Дипломатические отношения между Кокандом и Россией в историографии второй половины XX века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Ташкент, 2003. – 155 с. (на узб.)
30. Ишкуватов В. Историография дипломатических отношений Коканд–Россия. – Ташкент, 2009. – 153 с. (на узб.)

31. Ураков Дилшодбек. Политические и экономические отношения Туркестанского генерал-губернаторства с соседними государствами. – Ташкент, 2021. – 212 с. (на узбекском языке).
32. Зиёев Х. Борьба против российской агрессии и господства в Туркестане (XVIII – начало XX вв.). – Ташкент, 1998. – 477 с. (на узбекском языке).
33. Зиёев Х. Узбекистан под игом колониализма и угнетения (со второй половины XIX века до начала XX века). – Ташкент, 2006. – 309 с. (на узбекском языке).
34. Абдурахимова Н.А., Эргашев Ф.Р. Царская колониальная система в Туркестане. – Ташкент: Академнашр, 2002. – 240 с. (на узбекском языке).
35. Камалова З. Последний правитель Кокандского ханства Худояр-хан и его эпоха (1845–1875): Российское завоевание в Ферганской долине. – Стамбул, 2020. – 287 с. (на турецком языке).

Насирова Дильдора Талибжановна

Докторант

Өзбекстан Халықаралық Ислам Академиясы

(Ташкент, Өзбекстан)

E-mail: nasirovadildora86@gmail.com

ORCID: 0009-0000-1559-6562

«АШ-ШУЗУР АЗ-ЗАХАБИЙЯ» ЕҢБЕГІНДЕГІ СӨЗДЕРДІҢ ТАҚЫРЫПТЫҚ ЖІКТЕЛУІ ЖӘНЕ ОЛАРДЫҢ ҚОЛЖАЗБАЛАР НЕГІЗІНДЕ САЛЫСТЫРМАЛЫ ЗЕРТТЕЛУІ

Аннотация

Бұл мақалада араб тіл білімінің классикалық еңбектерінің бірі болып саналатын «Ash-Shuzur az-Zahabiyya» кітабындағы сөздердің тақырыптық классификациясы және қолжазба нұсқаларындағы салыстырмалы зерттеу мәселесі қарастырылады. Аталған еңбек араб грамматикасы мен лексикографиясында маңызды орынға ие болып, тілдік материалдарды жүйелеуде тарихи дерек ретінде қызмет атқарады. Зерттеудің негізгі мақсаты – мәтіндегі сөздерді мағыналық және тақырыптық тұрғыдан топтастыру, олардың семантикалық байланыстарын анықтау және әртүрлі қолжазба нұсқаларындағы айырмашылықтарды айқындау.

Мақалада тақырыптық классификация әдістері мен құрылымдық-лингвистикалық тәсілдер қолданылып, сөздер бірнеше топтарға бөлінді: діни терминдер, тұрмыстық ұғымдар, әлеуметтік-саяси атаулар және мәдени-тарихи лексика. Сондай-ақ, әр қолжазбадағы мәтіндік ерекшеліктер салыстырылып, редакциялық өзгерістер мен фонетикалық-лексикалық айырмашылықтар анықталды.

Зерттеу нәтижелері араб тіліндегі тарихи мәтіндерді жүйелеу мен олардың тілдік табиғатын терең түсінуге мүмкіндік береді. Сонымен қатар, бұл жұмыс лексикография, арабтану және салыстырмалы тіл білімі салалары үшін құнды дереккөз болып табылады. Мақала араб тілін үйренушілерге, зерттеушілерге және лексикалық қорды жүйелеумен айналысатын мамандарға пайдалы бола алады.

Кілт сөздер: түркі лексикографиясы, араб тіл білімі, қолжазбалар, классикалық еңбектер, лексикография, әдістеме, тілдің дамуы, мәдени мұра.

Nasirova D.

Doctoral student

International Islamic Academy of Uzbekistan

(Tashkent, Uzbekistan)

E-mail: nasirovadildora86@gmail.com

ORCID: 0009-0000-1559-6562

THEMATIC CLASSIFICATION OF WORDS IN ASH-SHUZUR AZ-ZAHABIYYA AND THEIR COMPARATIVE STUDY ACROSS MANUSCRIPTS

Abstract. “Ash-Shuzur az-Zahabiyya”, and conducts a comparative study across various manuscript versions of the text. This work holds a significant place in the fields of Arabic grammar and lexicography, serving as an essential historical source for understanding the structure and development of the Arabic language.

The main objective of the research is to categorize words in the text according to their semantic and thematic characteristics, identify their lexical relationships, and analyze the differences between multiple manuscript versions. In the study, modern thematic classification methods and structural-linguistic approaches were applied to group the words into several categories, including religious terminology, everyday concepts, socio-political terms, and cultural-historical vocabulary.

Furthermore, the study compares the textual variations found in different manuscripts, highlighting editorial modifications, phonetic distinctions, and lexical discrepancies. These findings provide valuable insights into the historical evolution of Arabic vocabulary and manuscript traditions.

The results of the research contribute to a deeper understanding of the linguistic and cultural significance of “Ash-Shuzur az-Zahabiyya” and offer a useful reference for scholars, linguists, and researchers working in the fields of Arabic studies, lexicography, and comparative linguistics.

Keywords: Turkic lexicography, Arabic linguistics, manuscripts, classical works, lexicography, methodology, language development, cultural heritage.

Насирова Дильдора Талибжановна

Докторант

Международная исламская академия Узбекистана

(Ташкент, Узбекистан)

E-mail: nasirovadildora86@gmail.com

ORCID: 0009-0000-1559-6562

ТЕМАТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ СЛОВ В «АШ-ШУЗУР АЗ-ЗАХАБИЙЯ» И ИХ СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ НА ОСНОВЕ РУКОПИСЕЙ

Аннотация

В данной статье рассматривается тематическая классификация слов в одном из классических трудов по арабскому языкознанию — «Ash-Shuzur az-Zahabiyya», а также проводится сравнительное исследование различных рукописных версий этого текста. Данный труд занимает важное место в истории арабской грамматики и лексикографии, являясь ценным источником для изучения развития и систематизации арабского языка.

Основная цель исследования — классифицировать слова текста по их семантическим и тематическим признакам, определить взаимосвязь между ними, а также выявить различия между рукописями. В ходе исследования использованы современные методы тематической классификации и структурно-лингвистического анализа. В результате слова были распределены по нескольким категориям: религиозная терминология, бытовая лексика, социально-политические понятия и культурно-исторические термины.

Особое внимание уделяется сравнительному анализу текстов различных рукописей. В процессе работы выявлены редакторские изменения, фонетические различия и лексические расхождения между версиями текста.

Результаты исследования позволяют глубже понять языковую природу и историческое значение труда «Ash-Shuzur az-Zahabiyya». Материал статьи может быть полезен ученым, специалистам по арабистике, а также исследователям в области лексикографии и сравнительного языкознания. Работа также представляет интерес для изучающих арабский язык и анализирующих его лексический фонд.

Ключевые слова: тюркская лексикография, арабское языкознание, рукописи, классические труды, лексикография, методология, развитие языка, культурное наследие.

It is well known that the earliest information on the scholarly study of the Uzbek language is reflected in ancient dictionaries within the field of lexicography. Since the formation of the Uzbek

literary language, lexicography has consistently remained at the center of attention of writers, intellectuals, and linguists throughout all subsequent periods. As early as the 11th century, Mahmud al-Kashgari, by explaining the richness of Turkic words in Arabic, left us a great legacy — the linguistic heritage created by our people up to that time. This tradition was continued in later centuries with the creation of such unique monuments of Turkic lexicography as Mahmud al-Zamakhshari's *Asas al-Balagha* and Muqaddimat al-Adab (12th century), Tawalli Imon Hiravi's *Badayi' al-Lughat* (15th century), Muhammad Yaqub Chingi's *Kelurnoma* (17th century), Muhammad Rizo Khoqson's *Muntakhab al-Lughat* (18th century), Mirzo Mehdikhan's *Sanglakh* (18th century), Sulaymon Bukhari's *Lughat-i Chaghatay wa Turki 'Uthmani* (19th century), as well as anonymous works such as *al-Tuhfat al-Zakiyya fi al-Lughat al-Turkiyya* (13th century) and *Abushqa* (16th century). These and many other dictionaries have been thoroughly studied by linguists and represent rare pearls of the Turkic lexicographic tradition [1, p. 1].

“Ash-Shuzur az-Zahabiyya” is a lexicographic work written in Egypt around 1619 and authored by Salih ibn Muhammad. His father, Sharif Muhammad al-Husayni, served as a judge in Egypt. Mulla Salih composed this book in order to teach his son the Turkic language [2, pp. IV]. The work is divided into four sections. Its second part, namely the “nouns” section (fols. 29b–37a), is devoted to the explanation of the names of objects and things. In this section, Arabic nouns are provided along with their Turkic translations. During the study of “Ash-Shuzur az-Zahabiyya,” the words presented in it were classified and analyzed according to the following thematic groups:

1. Lexemes related to the names of human body parts: ar-ra's – الرأس, baş – باش (head), al-uḍnu – الأذن, qulaq – قولاق (ear), al-ḥājib – الحاجب, qaş – قاش (eyebrow), al-‘ayn – العين, kōz – كوز (eye), al-anf – الأنف, burun – برن (nose), ash-shafatu – الشفة, dudaq – دودق (lip), al-wajh – الوجه, yüz – يوز (face), as-sinn – السن, diş – ديش (tooth), al-lisān – اللسان, dil – دل (tongue), al-fam – الفم, ağız – اغز (mouth), al-lihya – اللحية, şaqal – صقل (beard), al-kitf – الكتف, ömüz – اموز (shoulder), al-işba' – الإصبع, barmaq – برمق (finger), az-zifr – الظفر, tırnaq – طرنق (nail), al-baṭn – البطن, qarin – قرن (abdomen) (fol. 30a), and others.

The “nouns” section of the Saudi manuscript of Ash-Shuzur az-Zahabiyya also begins with lexemes denoting human body parts. However, the number of words listed there is 60. In the base manuscript, the words ash-shārib – الشارب (moustache) and biyiq – بيق (moustache) are omitted.

2. Words denoting directions: al-yamīn – اليمين, sağ – صاغ (right), al-yasār – اليسار, sōl – صول (left), al-xolf – الخلف, ard – ارد (back, behind), al-fawq – فوق, yuqāri – يقارى (above, upper) (fol. 30b).

In both manuscripts, the number of lexemes denoting directions is six. However, in the base manuscript all of the words are given with the definite article al.

3. Words related to clothing: al-shāsh – الشاش (aş-şāş), şoriq – صرق (muslin, gauze), al-‘imāma – العمامة, dolband – دلبند (turban, headwear), al-qamīş – القميص, kōylāk – كويلاك (shirt), al-kum – الكم, yin – يك (sleeve), ad-dabl – الدبل, ätāk – اتاك (skirt, hem), aş-şirvāl – الشروال, şilvār – شلوار (trousers), al-xizām – الخزام, qoşaq – قشاق (belt, sash), al-libās – اللباس, don – دون (robe, garment), sarmūja – سرموجة, başmaq – بشمق (boots), and others (fols. 30b–31a).

The number of words in both manuscripts is not the same. In the base manuscript, the additional variant of the word for “boots” – aş-şorma (الصرمة) – is preserved, while the word yapuç (يابوچ) is omitted.

4. Words denoting age and gender distinctions among people: al-insān – الانسان (human being), kişi – كشى (person, human), ar-rajul – الرجل (man), adam – ادم (man, human), aḍ-ḍakar – الذكر (male), ärkäk – ارкак (man, male person), dişi – ديشى (woman), az-zawj – الزوج (spouse, husband), är – ار (husband), al-imra'a – المرأة (woman, wife), ‘awrat – عورت (wife, spouse), az-zawj fi al-‘adad – الزوج فى العدد, jift – جفت (couple, husband and wife), al-ibn – الابن (son), oğul – اوغل (son), al-bint – البنت (daughter), qiz – قز (girl, daughter), al-akh – الاخ (brother), qardaş – قرداش (brother), al-ukht – الاخت (sister), qiz qardaş – قز قرداش (sister), aş-şabī – الصبى (boy, child), oğlan – اوغلان (child, boy), al-wālid – الوالد (father), baba – بابا (father), al-wālidā – الوالدة (mother), ana – انا (mother), (fols. 31a–31b).

Unlike the Saudi manuscript, the base manuscript does not include the lexemes ar-rabīb – الربيب, ogay oğil – اوگی اوغل (stepson), ar-rabība – الربيبة, and ogay qiz – اوگی قز (stepdaughter).

5. Animals: domestic animals, wild animals, birds, and insects: al-ḥiṣān – الحصان (stallion, horse), ayqır – ایقر (horse), al-muhr – المهر (foal), ṭay – طای (colt), al-jamal – الجمل (camel), dāvā – دوه (camel), al-ḥimār – الحمار (donkey), āṣāk – اشك (donkey), al-baqr – البقر (cow, cattle), ṣıǵır – صغر (cow), al-ijl – العجل (calf), buzaǵ – بوزغ (calf), aṣ-ṣavr – الثور (bull), öküz – اوکوز (ox), aḍ-ḍa'n – الضأن (sheep), qoyun – قیون (sheep), aḍ-ḍanab – الذنب (tail), quyrūq – قیروق (tail), al-asad – الاسد (lion), aslān – اسلان (lion), al-xinzīr – الخنزير (pig), toǵuz – تنکوز (pig), al-qird – القرد (monkey), maymun – میمون (monkey), al-kalb – الكلب (dog), küçäk – کوچک (dog), aṣ-ṣa'lab – الثعلب (fox), tilki – ثلکی (fox), al-arnab – الارنب (hare, rabbit), ṭuṣān – طوشان (rabbit), aṣ-ṣu'bān – الثعبان (snake), yilān – یلان (snake), al-ʿaqrab – العقرب (scorpion), a'qrab – عقرب (scorpion), al-fa'r – الفأر (mouse), ṣıçan – صحن (mouse, rat), al-ʿankabūt – العنكبوت (spider), orumçäk – اوروجک (spider), al-barǵūš – البرغوث (flea), bīra – بیره (flea), al-jarād – الجراد (locust), çakırka – جکرکه (grasshopper), ad-dūd – الدود (worm), qurud – قورد (worm), an-naḥl – النحل (bee), ari – اری (bee), ad-dajāj – الدجاج (hen, fowl), tavuq – توق (hen), ad-dīk – الديك (rooster), xoraz – خورز (rooster), al-baṭṭ – البط (duck), ordak – اوردک (duck), al-janāḥ – الجناح (wing), qanaṭ – قنط (wing), aṣ-ṣāhin – الشاهن (falcon), laçin – لاجين (falcon), az-zāǵ – الزاغ (crow), qarǵa – قرغه (crow), al-kurkī – الكركی (crane), ṭorna – طورنه (crane).

Our research identified 65 lexemes in both manuscripts within this thematic section. However, in some cases, the lexemes are represented by different variants. For instance, in the base manuscript, the word qarǵa (crow) is given in Arabic as az-zāǵ – الزاغ, whereas in the Saudi manuscript it appears as al-ǧurāb – الغراب. Both words denote the crow [3, p. 45].

The term at, denoting the animal that served as the principal mount for ancient Turkic peoples, occurs in its original meaning in Maḥmud al-Kashghari's Diwan: quṣ qanatīn er atīn — “with the wings of a bird, with the horse of a man” [4, MK 1960, I, p. 70]. In Old Uzbek monuments, at is actively attested: maydan içigä çäbükün säkrätđi at [5, Navoi 1983–1985, II, p. 533]. In modern Uzbek literary language, the term has preserved its original meaning [6, O'TIL 1981, I, p. 547]. It is also widely used in other Turkic languages. According to E. Sevortyan, at (Turkic at < aqta “horse”) is derived from this root [7, ESTY 1974, I, p. 197]. A. Shcherbak, however, connects the term to atan “gelded camel” [8, IRLTYA 1961, p. 83]. In our view, this term is of purely Turkic origin [9, p. 68].

6. Sea and Marine Animals: al-baḥr – البحر (sea), deñiz – دكز (sea), al-baḥr al-māliḥ – البحر المالح (salt sea), açi deñiz – اجی دكز (salt sea), al-baḥr al-ḥilw – البحر الحلو (freshwater sea), ṭatli deñiz – طتلی دكز (freshwater sea), al-baḥr al-aswad – البحر الاسود (Black Sea), qara deñiz – قره دكز (Black Sea), an-nahr – النهر (river), irmaq – ایرمق (river), as-samak – السمك (fish), baliq – بالی (fish), aḍ-ḍifda' – الضفدع (frog), qurba'a – قریعه (frog), az-zahlaf – الزحلف (tortoise), ṭusbaqa – طسبقة (turtle, tortoise), al-ʿalaq – العلق (leech), suluk – سلوک (leech), al-qurāb – القراب (boat), qadirǵa – قدرغه (ship, boat), al-miqdāf – المقداف (oar), küräk – کورک (oar, paddle), al-qal'u – القلع (sail), yīlkān – یلکن (sail), al-ḥabl – الحبل (rope), ip – ایب (rope), al-ʿamūd – العمود (mast, pillar), dirak – درک (mast, pole), roǵvat al-mawj – رغوۋة الموج (foam of the wave).

7. Natural Phenomena, Celestial Bodies, and Religious Concepts: Allah ta'ālā – الله تعالى (Allah the Exalted), Tāñri – تنگری (Tengri), ar-rasūl – الرسول (the Messenger), payǵambar – پیغمبر (prophet), al-malā'ika – الملائكة (angels), farištalar – فرشته لار (angels), as-samā' – السماء (sky, heaven), kōk – كوك (sky), aṣ-šams – الشمس (sun), gūnāš – گنیش (sun), al-qamar – القمر (moon), ay – ای (moon), an-naǵm – النجم (star), yildiz – یلدز (star), al-barq – البرق (lightning), šimšak – شمشک (lightning), aṣ-ṣā'iqā – الصائقة (thunderbolt), yildirim – یلدرم (thunderbolt), ar-ra'd – الرعد (thunder), kōk kōrlāmāk – كوك كورلماك (to flash lightning), al-maṭar – المطر (rain), yaǵmur – یغمور (rain), aṣ-ṣalj – الثلج (snow), qar – قار (snow), as-saḥāb – السحاب (cloud), bulut – بلوط (cloud), as-saxin – السخن (heat), isi – اسی (heat), al-bard – البرد (cold), ṣavuq – صوق (cold), aṣ-ṣayf – الصيف (summer), yaz – یاز (summer), aṣ-ṣitā' – الشتاء (winter), qış – قیش (winter), aṣ-ṣahr – الشهر (month), ay – ای (month), as-sana – السنة (year), yil – یل (year), al-yawm – اليوم (day), kun – کون (day), an-naḥār – النهار (daytime), kunduz – کوندز (daytime), al-layl – الليل (night), kiçä – کجه (night), az-zolām – الظلام (darkness), qaranliq – قرنلیق

(darkness), an-nūr – النور (light), aydinliq – ايندلىق (light), al-‘īd – العيد (religious festival), bayram – بىرام (festival), aṣ-ṣolāt – الصلاة (prayer), namaz – نماز (prayer), ṣolātuṣ-ṣubḥ – صلاة الصبح (morning prayer), ṣobah namazi – صباح نمازی (morning prayer), ṣolātuḍ-ḍuḥā – صلاة الضحى (forenoon prayer), quṣluq namazi – قوشلىق نمازی (forenoon prayer), ṣolātuḥ-zuḥr – صلاة الظهر (noon prayer), oyli namazi – اوپلى نمازی (noon prayer), ṣolātul-‘aṣr – صلاة العصر (afternoon prayer), ikindi namazi – ايكىندى نمازی (afternoon prayer), ṣolātul-mağrib – صلاة المغرب (sunset prayer), axşam namazi – اخشام نمازی (sunset prayer), ṣolātul-‘iṣā – صلاة العشاء (night prayer), yatsu namazi – يتسو نمازی (night prayer). ams – امس (yesterday), dun – دون (yesterday), al-yawm – اليوم (today), bukun – بوكون (today), ġadan – غدا (tomorrow), yarin – يارن (tomorrow), ba‘da ġadan – بعد غدا (the day after tomorrow), va bir kün – و بر كون (the day after tomorrow).

In the course of our research, it was observed that in this section the word as-sā‘a – الساعة (clock, hour) is omitted in the base manuscript. Furthermore, the term Tangri appears in the Saudi copy in its Arabic form as Allāh – الله, while in the base manuscript it is given as Allāh ta‘ālā – الله تعالى. Allāh ta‘ālā (Arabic: the supreme deity, divine power, God) denotes the supreme divine force in Islam, the name of God. Typically, the words Allāh, God, or Tangri are accompanied by an elevated epithet, appearing in paired forms such as Allāh ta‘ālā, Xudoyi ta‘ālā, or Tangri ta‘ālā. The term ta‘ālā conveys the meaning of “great, exalted, supreme” [10, pp. 138].

8. Words related to terrestrial objects: al-arḍ – الأرض (earth, land), yir – ير (earth, ground), at-turāb – التراب (soil, dust), ṭupraq – طبراق (soil, earth), at-tīn – الطين (clay), balçiq – بلجق (mud), al-ğubār – الغبار (dust), dudun – ددن (dust, smoke), al-makān – المكان (place, location), yurt – يرط (dwelling, settlement), al-hajar – الحجر (stone), taš – طاش (stone), ar-raml – الرمل (sand), qum – قوم (sand), al-vahl – الوحل (mire, swamp), baṭiq – بطق (swamp, marsh), al-jabal – الجبل (mountain), dağ – داغ (mountain), al-qarya – القرية (village), kōy – كوى (village), al-madīna – المدينة (city), šahar – شهر (city), aḍ-ḍahab – الذهب (gold), altun – التون (gold), al-fidḍa – الفضة (silver), kümüş – كمش (silver), an-nuhās – النحاس (copper), baqir – باقر (copper), ar-roṣāṣ – الرصاص (lead), quruṣun – قرشون (lead), al-ḥadīd – الحديد (iron), damur – دمور (iron), al-qazdīr – القزدير (tin), as-sivār – السوار (bracelet).

9. Words with opposite meanings (antonyms): الكبير – al-kabīr, بيوك – büyük (big), الصغير – aṣ-ṣoğır, كوجك – küçük (small), الطويل – at-tavīl, اوزن – uzun (long), القصير – al-qaṣīr, قصه – qıṣa (short), الوسط – al-vasaṭ, اورطى – orta (medium), العالى – al-‘ālī, يكسك – yüksäk (high), الخفيف – al-xafīf, يكنى – yīni (light), الثقيل – aṣ-šaqlī, اغر – ağır (heavy), السمين – as-samīn, سمير – simiz (fat), النحيف – an-nahīf, الناشف – an-nāṣif, يمشق – yumṣaq (soft), الناعم – an-nāīm, يوغان – yoğan (rough), الخشن – al-xašan, ارق – ariq (thin), البعيد – an-nāṣif, قورى – quri (dry), الطرى – at-tarī, ياش – yaš (wet), القريب – al-qarīb, ياقين – yaqin (near), البعيد – al-bā‘d, اوزق – uzaq (far), الداخل – ad-dāxil, ايجرى – içari (inside), الخارج – al-xārij, ديشارى – dišari (outside), الجعان – al-jīā’n, اچ – aç (hungry), الشبعان – aṣ-šab‘ān, طوق – toq (full), الغليظ – al-ğalīz, قالن – qalın (thick), الرقيق – al-raḥīq, اناجه – inaça (thin), الصعب – aṣ-ša‘b, كوج – küç (difficult), الهين – al-hayn, قلاى – qulay (easy), بعد – ba‘d, اول – avval (before), قبل – qobl, جوق – joq (many), الكثير – al-kašīr, از – az (few), القليل – al-qalīl, صكره – şonra (after), الطيب – at-toyyib, صاغ – şağ (healthy), المريض – al-marīḍ, خسته – xasta (sick), النظيف – an-naẓīf, تميز – temiz (clean), الوسخ – al-vasix, كيرلى – kirli (dirty), دشمان – al-a‘dū, العدو – al-a‘dū, اسكى – iski (old), الجديد – al-jadīd, ينى – yañi (new), الضيق – aḍ-ḍayyīq, دار – dar (narrow), الواسع – al-vāsi, يول – yol (wide), النجس – an-najas, مردار – murdor (unclean), الطاهر – ṭ-ṭāhir, باك – pak (clean), الخير – al-xoyr, ايلك – iyilik (goodness), الشر – aṣ-šarr, كملك – kamluk (evil).

In both manuscripts, the number of lexical items is 60. As noted above, in the base manuscript the words appear with the definite article “al”, whereas in the Saudi manuscript they occur without it, and the sequence of words is not identical. In two or three instances, the order of the lexical items is disrupted.

10. Colors, human physical and spiritual characteristics, and related words: الابيض – al-abyaḍ, اق – aq (white), الاسود – al-asvad, قره – qara (black), الاحمر – al-ahmar, قرل – qizil (red), الاخضر – al-aḥḍar, يشل – yašil (green), الاصفر – al-aṣfar, صارى – şori (yellow), الازرق – al-azraq, كور – kōr (blue), الكلى – al-kuhlī, سرمانى – surmāni (dark blue, black), الاعماء – al-a‘mā,

(blind), الاطرش – al-aṭraš, صاغر – ṣaḡir (deaf), الاخرس – al-axras, دلسز – dilsiz (mute), الاقرع – al-aqro', كل – kal (bald), الاحدب – al-ahdab, بكرى – bukri (hunchback).

Comparative analysis of the manuscripts revealed that in the Saudi manuscript, this section contains fifteen lexical items, whereas in the base manuscript only thirteen are attested. In the base manuscript, the following lexemes are missing: وردى – vardī, كولكونى – gulguni (pink), الدغ – aldağ, بلتك – pōlaṅ (stammerer).

In the Saudi manuscript, the word ابيض – abyāḍ (white) is rendered in its Turkic equivalent بياض – bayaz. In the Explanatory Dictionary of the Uzbek Language, the word bayoz is defined in two senses: (1) white, whiteness; (2) a poetic anthology compiled from selected poems of one or several poets [11, p. 138].

11. Household objects and related words: المدينة – al-madīna, شهر – šahar (city), القرية – al-qorya, كوى – kōy (village), الحارة – al-hāra, محله – mahalla (neighborhood), البيت – al-bayt, او – ev (house), الباب – al-bāb, قابو – qābu (door), العتبة – al-a'taba, اشك – išik (threshold), الجدار – al-jidār, تمل – tamal (wall), الحائط – al-hāiṭ, ديوار – divār (wall), الحوش – al-hūš, عولى – a'vli (courtyard), الاصطبل – al-iṣṭabl, اخر – axur (stable), السلم – as-sullam, مردوان – marduvon (ladder), القصر – al-qaṣr, كوشك – kōšk (palace, pavilion), الطاقة – aṭ-ṭāqa, بنجره – panjara (window), السقف – as-saqf, طوان – ṭavān (roof, ceiling), القفل – al-qifl, كلت – kilit (lock), الرواق – ar-rivāq, جردق – ṣardaḡ (veranda), السلسلة – as-silsila, زنجير – zanjir (chain), الطريق – aṭ-ṭarīq, يول – yol (road), اللوح – al-lavh, تحته – tahta (plank, board), الخزانة – al-xizāna, دولاب – dulāb (cupboard), الخشب – al-xoṣab, اغچ – aḡaṣ (wood), الطرحة – aṭ-ṭorha, دوشك – dōšāk (quilt, bedding), المخدة – al-mixadda, يصتق – yaṣtuq (pillow).

12. Military terms and vocabulary: السيف – as-sayf, فليج – qiliç (sword), القراب – al-qirāb, قين – qin (sheath, scabbard), الدرة – ad-dirqa, قلطان – qalqan (shield), القوس – al-qavs, ياي – yay (bow), خنجر – al-xanjar, الخنجر – al-xanjar, بنجق – piçaq (knife), السكين – as-sikkīn, اوق – oq (arrow), النشاب – an-niṣāb, الخنجر – al-xanjar, اسطره – uṣṭara (razor), السرج – as-sarj, اكر – igar (saddle), اللجام – al-lijām, كم – gam (bridle), الشكال – aš-šikāl, قولان – qulon (shackle), القربال – al-qurbāl, قاربول – qarbul (sieve), الطاجن – aṭ-ṭājin, طوى – ṭava (pan), الكانون – al-kānūn, اوجق – oçaq (hearth, stove), الدخان – ad-duḡān, دتن – dutun (smoke), الرماد – ar-romād, كول – kul (ash), الفانوس – al-fānūs, فتر – fanar (lantern), القرزاة – al-qizāza, شيشه – šiša (glass), الطشت – aṭ-ṭašt, لكن – lagan (large bowl, dish), الخيمة – al-xoyma, جادر – jodur (tent), المحراث – al-mihrāš, صين – şapan (plough), القلة – al-qulla, برداق – bardaq (cup, jug), الدست – ad-dast, قزن – qazan (cauldron, pot), الجرة – al-jarro, دستى – dasti (jug, pitcher), الابريق – al-ibrīq, ابرق – ibriq (teapot), الكحل – al-kuhl, سرمه – surma (kohl, eye cosmetic), الدقيق – ad-daḡīq, اون – un (flour), الخبز – al-xubz, اكمك – ikmāk (bread), العسل – al-a'sal, بال – bal (honey), الشمع – aš-šamu', موم – mum (candle, wax).

In our reference manuscript, the number of military-related vocabulary items was determined to be 48, whereas in the Saudi manuscript their number is 45. In the Saudi version, the following words are missing: العريقه – al-a'raqīya, ترليق – tarliq (a headgear worn under a turban), الشبحة – aš-šibha, بيونوق – boyunduq (halter), الدخان – ad-duḡān, دتن – dutun (smoke).

Another difference between the manuscripts is that in the Saudi version, the section “Military terms” is further subdivided into smaller thematic categories according to subject matter. For example, the names of animals and their harnesses, as well as household items, are presented in separate chapters. In the reference manuscript, however, these are listed in a generalized form without such subdivisions.

13. Terms related to fruits and plants: الجنينه – al-junayna, بخشه – baxša (garden), الفاكهه – al-fākiha, يمش – yamiš (fruit), التفاح – at-tuffāh, الممه – alma (apple), الرمان – ar-rummān, انار – anar (pomegranate), الكمثرى – al-kummašrā, ارمود – armud (pear), الخوخ – al-xuvx, شفتالو – šaftalu (peach), الحصرم – al-ḥaṣrom, قورق – quruq (unripe grape), العنب – al-i'nab, اوزم – uzum (grape), البلج – al-balāh, اصمه – ašma (vine, grape plant), المشمش – al-miš-miš, زردالو – zardalu (apricot), الكرمه – al-karma, انجير – anjir (fig), الجوز – al-javz, قوز – qoz (walnut), اللوز – al-lūz, البندق – al-bunduq, البندق – findiq (hazelnut), القصب – al-qoşob, قمش – qamiš (reed), الشوك – aš-šavk, دكان – dikan (thorn), البزر – al-bizr, تخم – tuxum (seed), الحطب – al-ḥaṭob, اودون – odun (firewood), السفرجل – as-safarjal, ايوه – ayva (quince), القرع – al-qoru', قيق – qabaq (pumpkin),

اللفت – al-lift, شلغم (turnip), الجزر – al-jazar, حاوچ – havuç (carrot), العجل – al-i'jl, ترب – turp (radish), بطيخ الاخضر – aš-šūm, صرمصق – šarimsaq (garlic), الكرنب – al-kurunb, لخنه – laxana (cabbage), صارى قاون – şori qavun (melon), باديچان – al-bādinjān, بادنجان – badinjan (eggplant), الورد – al-varḍ, كول – gul (flower), الحنطة – al-hanṭo, بغدى – buğday (wheat), الشعير – aš-šaīr, ارپه – arpa (barley), الارز – al-urz, برنج – birinç (rice), الفول – al-fūl, بقله – baqla (bean), العدس – al-a'das, مرجمك – marjamak (lentil), الحليب – al-halīb, صود – sut (milk), اللبن الرايب – al-laban ar-rāib, يغرت – yağurt (yogurt), الجبن – al-jubn, بينر – benir (cheese), السمن – as-saman, صاياغى – şayağı (butter), الزبدة – az-zubda, تيره ياغى – tere yağı (butter), الزيت الحار – az-zayt al-hār, باذر ياغى – bazir yağı (linseed oil), الزيت الطيب – az-zaytuṭ-ṭoyyib, زيتون ياغى – zaytun yağı (olive oil).

In the base manuscript under study, the number of entries amounts to 55, whereas in the Saudi manuscript their number is 50. In the Saudi manuscript, the entries related to grains and dairy products are presented in a separate section, similar to the case mentioned above. The following entries are missing in the Saudi manuscript: بطيخ الاخضر – biṭṭīx ul-axḍor, قاربوز – qarpuz (watermelon), باديچان – biṭṭīx ul-aşfar, صارى قاون – şori qavun (melon), الورد – al-varḍ, كول – gul (flower), الزيت الحار – az-zayt al-hār, باذر ياغى – bazir yağı (linseed oil), الزيت الطيب – az-zaytuṭ-ṭoyyib, زيتون ياغى – zaytun yağı (olive oil).

14. Terms related to professions and crafts: التلميذ – at-tilmīd, شاگرد – šagird (pupil, apprentice), المعلم – al-mu'allim, اوسطه – usto (teacher, master), الميزان – al-mīzān, ترازى – tarazi (scales), المطرقة – al-miṭraqah, جكج – çakiç (hammer), الفحم – al-fahm, كمور – kumur (coal), الابرة – al-ibra, ايكنه – iknä (needle), المكواة – al-mikwā, اوتى – oti (iron), الخيط – al-xayṭ, ابلڪ – iplik (thread), الحرير – al-ḥarīr, ابرشيم – abrišim (silk), النجار – an-najjār, دلكر – dolgar (carpenter), المنشار – al-minšār, بجقى – piçaqi (saw).

“Ash-Shuzur az-Zahabiyya” dictionary is one of the important lexicographic sources in Arabic linguistics. The thematic classification of its entries, their documentation across different manuscript versions, and the presence of textual variations demonstrate that this work is a rich source of information. During the study, a comparative analysis of the main manuscript and the Saudi version was carried out, which clarified the representation of religious terms, geographical names, professional vocabulary, as well as socio-cultural lexical units.

The results show that this dictionary not only highlights different layers of Arabic vocabulary, but also reflects the socio-political and cultural environment of its time. The differences between the versions emphasize the necessity of applying a critical source-based approach in the study of manuscript texts.

Thus, the study of “Ash-Shuzur az-Zahabiyya” from both lexicographic and historical-linguistic perspectives holds significant scholarly and practical value for Arabic linguistics, manuscript studies, and cultural studies.

REFERENCES:

1. Normamatov S. Fundamentals of Lexicography. Tashkent, 2020, p. 1
2. Atalay, Besim (1949). Eş-Şüzûr'uz-Zehabiyye ve'l-Kıta'ı'l-Ahmediyye fî'l-Lugat'ı-t-Türkiyye. Istanbul: Üçler Basımevi, 1949, vol. IV
3. الشذور الذهبية و القطع الاحمدية فى اللغة التركية. Authored by Molla Salih ibn Muhammad. Estimated to have been written in the 12th century AH.
4. Mahmud Koshg'ariy, Dīwān lughāt at-Turk (Vol. I). Tashkent, 1960, p. 70
5. E.I. Fozilov, Explanatory Dictionary of the Language of Alisher Navoi's Works (Vol. II). Academy of Sciences of the Uzbek SSR, 1963, p. 533
6. Explanatory Dictionary of the Uzbek Language, Vol. II. Tashkent: “National Encyclopedia of Uzbekistan” State Scientific Publishing House, 2006, p. 547
7. E.V. Sevortyan, Etymological Dictionary of Turkic Languages (Vol. I). Moscow, 1974, p. 197
8. A.M. Sherbak, The Historical Development of the Vocabulary of Turkic Languages. Academy of Sciences of the USSR, 1961, p. 83

9. B. Abdushukurov, L. Sindarov, Zoononyms Used in Turkic Written Sources of the 11th–14th Centuries, *Oltin bitiglar — Golden Scripts*, 2019/1, pp. 68–69
10. <https://oyina.uz/uz/teahause/1241>
11. Explanatory Dictionary of the Uzbek Language, Vol. II. Tashkent: “National Encyclopedia of Uzbekistan” State Scientific Publishing House, 2006, p. 138

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

1. Нормаматов, С. Основы лексикографии. Ташкент, 2020, с. 1.
2. Аталай, Бесим. Eş-Şüzürü'z-Zehebîyye ve'l-Kitai'l-Ahmediyye fî'l-Lugatı't-Türkiyye. Стамбул: Üçler Basımevi, 1949, т. IV.
3. الشذور الذهبية و القطع الاحمدية فى اللغة التركية. Автор: Мулла Салих ибн Мухаммад. Предположительно написано в XII веке хиджры.
4. Махмуд Кошг'арий. *Dīwān lughāt at-Turk* (т. I). Ташкент, 1960, с. 70.
5. Фозилов, Е. И. Толковый словарь языка произведений Алишера Навои (т. II). Академия наук Узбекской ССР, 1963, с. 533.
6. Толковый словарь узбекского языка, т. II. Ташкент: Государственное научное издательство «Национальная энциклопедия Узбекистана», 2006, с. 547.
7. Севортян, Е. В. Этимологический словарь тюркских языков (т. I). Москва, 1974, с. 197.
8. Шербак, А. М. Историческое развитие лексики тюркских языков. Академия наук СССР, 1961, с. 83.
9. Абдушукуров, Б., Синдаров, Л. «Зоонимы, использованные в тюркских письменных источниках XI–XIV вв.» *Oltin Bitiglar — Golden Scripts*, 2019/1, с. 68–69.
10. «Чайная». Oyina.uz. Доступно по ссылке: <https://oyina.uz/uz/teahause/1241>
11. Толковый словарь узбекского языка, т. II. Ташкент: Государственное научное издательство «Национальная энциклопедия Узбекистана», 2006, с. 138.

Останов Жахонгир Давлатұлы

Кіші ғылыми қызметкер,

Әл-Бируни атындағы Шығыстану институты,

Өзбекстан Ғылым академиясы

Email: ostonovj@gmail.com

ПОСТКЕҢЕСТІК ОРТАЛЫҚ АЗИЯДАҒЫ ИСЛАМ МӘСЕЛЕЛЕРІН ЗЕРТТЕУДЕГІ ФРАНЦУЗДЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР: ИСТОРИОГРАФИЯЛЫҚ ТАЛДАУ

Аңдатпа

Бұл мақалада посткеңестік Орталық Азиядағы исламның әлеуметтік-саяси және мәдени динамикасын зерттеумен айналысатын француздық зерттеу мектебіне жан-жақты және сыни историографиялық талдау жасалған. Зерттеу сапалық әдіснамаға негізделген, атап айтқанда, дереккөздерді жүйелі талдау барысында тақырыптық және диахрондық тәсілдер қолданылған.

Мақаланың негізгі мақсаты — 1991 жылдан бүгінгі күнге дейінгі кезеңде француз зерттеулерінің эпистемологиялық және әдістемелік эволюциясын қадағалау, негізгі парадигмалық өзгерістерді анықтау және бұл мектептің әлемдік орталықазиялық зерттеулер жүйесіндегі ерекше орнын айқындау.

Талдау нәтижесінде француз мектебінің үш негізгі интеллектуалдық кезеңнен өткені анықталды: 1990-жылдардағы іргелі кезең, бұл уақытта зерттеушілердің назары «саяси ислам» парадигмасын деконструкциялауға және геосаяси дабыл қағушылықтан бас тартуға бағытталды (О. Руа); 2000-жылдардағы антропологиялық бетбұрыс, зерттеулердің «күнделікті исламға», жергілікті тәжірибелерге, тарихи дәстүрлерге (С. Дудуаньон) және гендерлік аспектілерге (Х. Фати) қайта бағытталуы; Қазіргі кезең, бұл трансұлттық діни қозғалыстарды (Б. Балджи) және мемлекеттің дінді саяси құрал ретінде пайдалануын (С. Пейруз) зерттеу секілді жаңа әрі күрделі тақырыптардың пайда болуымен сипатталады.

Мақалада француз мектебінің әдістемелік ерекшеліктеріне — *terrain* (далалық зерттеулер), *longue durée* (ұзақмерзімді тарихи перспектива) және исламды деэссенциализациялау тәсіліне — англоязық және ресейлік академиялық дәстүрлердің әдістемелерімен салыстырмалы талдау жүргізіледі. Сонымен қатар француз мектебінің белгілі бір әдістемелік шектеулері мен проблемалық қырлары да қарастырылады.

Қорытындысында, мақалада француздық зерттеулердің аймақтағы исламды зерттеуді қарапайым схемалардан арылтуға және оның күрделі әлеуметтік шындығын ашуға қосқан іргелі үлесі бағаланады.

Кілт сөздер: Орталық Азия, посткеңестік ислам, француз ориентализмі, историография, эпистемология, Оливье Руа, Стефан Дудуаньон, Байрам Балджи, күнделікті ислам, мемлекет және дін қатынастары, *terrain*.

Ostonov J.

Junior Research Fellow,

Al Biruni Institute of Oriental Studies, Uzbekistan Academy of Sciences

Email: ostonovj@gmail.com

FRENCH RESEARCH ON ISLAMIC ISSUES IN POST-SOVIET CENTRAL ASIA: HISTORIOGRAPHICAL ANALYSIS

Abstract

This article presents a comprehensive and critical historiographical analysis of the French school of research on the socio-political and cultural dynamics of Islam in post-Soviet Central Asia. The study is based on a qualitative methodology, specifically a systematic analysis of sources, employing thematic and diachronic approaches. The primary objective is to trace the epistemological and methodological evolution of French scholarship from 1991 to the present, identify key paradigm shifts, and define the distinctive position of this school within global Central Asian studies. The analysis reveals that French research has evolved through three main intellectual phases: [1] the foundational works of the 1990s, which focused on deconstructing the "political Islam" paradigm and rejecting geopolitical alarmism (O. Roy); [2] a fundamental anthropological turn in the 2000s, shifting the research focus to "everyday Islam," local practices, historical traditions (S. Dudoignon), and gender dimensions (H. Fathi); and [3] a contemporary phase marked by the emergence of new and complex themes such as transnational religious movements (B. Balci) and the state's instrumentalization of religion (S. Peyrouse). The article compares the distinct methodological strengths of the French school—such as its emphasis on terrain (fieldwork), *longue durée* (long-term historical perspective), and the de-essentialization of Islam—with the approaches of Anglophone and Russian academic traditions. It also discusses certain methodological limitations and critical aspects of the French school. In conclusion, the article assesses the fundamental contribution of French scholarship in liberating the study of Islam in the region from simplistic frameworks and revealing its complex social reality.

Keywords: Central Asia, Post-Soviet Islam, French Orientalism, Historiography, Epistemology, Olivier Roy, Stéphane Dudoignon, Bayram Balci, Everyday Islam, State-Religion Relations, Terrain.

Остонов Жахонгир Давлатович

Младший научный сотрудник,

Институт востоковедения имени Аль-Беруни,

Академия наук Узбекистана

Email: ostonovj@gmail.com

ФРАНЦУЗСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСЛАМСКИХ ВОПРОСОВ В ПОСТСОВЕТСКОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация

В данной статье представлен всесторонний и критический историографический анализ французской исследовательской школы, изучающей социально-политическую и культурную динамику ислама в постсоветской Центральной Азии. Исследование основано на качественной методологии, в частности на систематическом анализе источников с применением тематического и диахронного подходов. Основная цель работы — проследить эпистемологическую и методологическую эволюцию французских исследований с 1991 года по настоящее время, выявить ключевые парадигмальные изменения и определить особое место этой школы в мировой системе центральноазиатских исследований.

Анализ показывает, что французская школа прошла три основных интеллектуальных этапа: [1] Фундаментальный период 1990-х годов, когда внимание исследователей было сосредоточено на деконструкции парадигмы «политического ислама» и отказе от геополитического алармизма (О. Руа); [2] Антропологический поворот в 2000-е годы, связанный с переориентацией исследований на изучение «повседневного ислама», локальных практик, исторических традиций (С. Дудуаньон) и гендерных аспектов (Х. Фати); [3] Современный этап, характеризующийся появлением новых и более сложных тем, таких

как транснациональные религиозные движения (Б. Балджи) и инструментализация религии государством (С. Пейруз).

В статье проводится сравнительный анализ методологических особенностей французской школы — таких как акцент на *terrain* (полевые исследования), *longue durée* (долгосрочная историческая перспектива) и деэссенциализация ислама — с подходами англоязычной и российской академических традиций. Также рассматриваются определённые методологические ограничения и проблемные аспекты французской школы.

В заключение статья оценивает фундаментальный вклад французских исследований в освобождение изучения ислама в регионе от упрощённых схем и раскрытие его сложной социальной реальности.

Ключевые слова: Центральная Азия, постсоветский ислам, французский ориентализм, историография, эпистемология, Оливье Руа, Стефан Дудуаньон, Байрам Балджи, повседневный ислам, государственно-религиозные отношения, *terrain*.

Introduction

In the history of Central Asia, which adopted Islam from the 8th century onwards, Islam remained an important phenomenon until the 20th century. Almost all issues of state and society were resolved through Islam. Even during the period of colonization by the Russian Empire, social relations based on Sharia law were preserved for the local population. However, after the establishment of the communist regime, Islam, like other religions, was alienated from the life of society, and the state and society were secularized. The almost seventy-year isolation of Central Asia during the Soviet period gave rise to a very peculiar manifestation of the relationship between Islam, politics, and social life. Indeed, the persecuted religion of Islam, like other religions, survived either in secret or within the circle of official clergy who operated nominally under state control.

However, the "revival" of Islam, which began after 1991 and even in the 1990s, created complex processes in the relationship between society and the state. On the one hand, the reintegration of historical Transoxiana into the Islamic world was a positive phenomenon for the state's image in the international arena. On the other hand, the internal political tension caused by radical groups' aspiration to power revealed that the government faced serious problems.

This process sparked particular interest in local and international academic circles. The primary reason for this was the region's aspiration to integrate into the international community, while on the other hand, researchers were also intrigued by the impact of Afghanistan's political situation on the former Soviet republics. Indeed, in the early years of independence, leaders and members of religious groups who faced political persecution found refuge in Afghanistan. Consequently, Afghanistan was viewed as the main hub of Islamic radicalism in Central Asia. French researchers, like their Western counterparts, extensively analyzed these processes in their studies.

In recent years, against the backdrop of geopolitical changes in the Middle East and Afghanistan, studying the historiography of this issue remains relevant. Although the Middle East is a relatively distant region, the presence of hundreds of Central Asian republic citizens among radical groups there necessitates examining the problem from various perspectives. Such approaches by French academic schools underscore the need to analyze these studies.

The primary objective of this research is to conduct a comprehensive and critical historiographical analysis of the studies carried out by French scholars on Islamic issues in post-Soviet Central Asia from 1991 to the present. The article aims to address the following fundamental questions: What intellectual paradigms did French researchers employ to examine the Islamic revival in the region, and how did these paradigms evolve over time? Which aspects (political, social, cultural, gender) received the most attention in these studies? How did the scholarly perspectives of leading academics such as Olivier Roy, Stéphane Dudoignon, Bayram Balci, Habiba Fathi, and Sébastien Peyrouse contribute to this evolution? What are the essential differences

between the approaches of the French school and the Anglo-American and Russian academic traditions, and what are the strengths, as well as the weaknesses and limitations, of its distinctive methodology?

The relevance of this research lies in its offering of a significant intellectual alternative to dominant discourses that tend to view Islam solely through the lens of security or geopolitics. The French school's deep empirical foundation and its endeavor to understand phenomena in local contexts provide essential tools for accurately assessing the complexity of religious processes in Central Asia. This article serves to systematize and critically evaluate the achievements of French Oriental studies in this field and determine its place in global Islamic studies.

2. Methodology

This research employs an analytical methodology and encompasses several interconnected approaches:

Historiographical analysis: As the primary research method, it focuses on tracing the chronological development of French scholarly literature, shifts in paradigms, key debates, and intellectual turning points. This method demonstrates how the research topic has evolved over time and what intellectual and political factors have influenced this evolution.

Thematic analysis: The collected sources were categorized into main thematic groups ("political Islam", "everyday Islam", "transnational movements", "state-religion relations", "gender"), and the development dynamics of each direction, its principal researchers, and their arguments were thoroughly examined.

Analysis of scientific reviews: A distinctive feature of this research is that it analyzes not only primary scientific works but also scholarly reviews of them published in prestigious journals such as *Cahiers d'Asie centrale* and *Revue des mondes musulmans et de la Méditerranée* (REMMM). This approach provides a "meta-perspective" to understand how key works were received by the scientific community, how their strengths and weaknesses were evaluated, and how they influenced broader scientific debates.

Comparative analysis: To highlight the uniqueness of the French school, its methodological and conceptual approaches are compared in detail with the dominant views of the Anglo-American and Russian scientific traditions.

Critical Analysis: The article analyzes not only the achievements of the French school but also its potential shortcomings, methodological limitations, and overlooked aspects in a separate section.

The source base consists of fundamental monographs, scientific articles, collections, and commentaries on them by scholars such as O. Roy [4, 5], S. Dudoignon [6], B. Balci [2, 3], H. Fathi [7, 8, 9, 10], S. Peyrouse [4, 5], and C. Poujol [11].

3. Results: The intellectual evolution of French research

The analysis revealed that French research has gone through three main, complementary stages of development.

3.1. First stage (1990s): Deconstructing geopolitical alarmism and reassessing "political Islam"

In the 1990s, the academic discourse surrounding Central Asia was dominated by perceptions of an "Islamic threat." The primary objective of the French school during this period was to deconstruct these alarmist views and provide a more nuanced explanation of Islam's role in the region. The central figure of this phase was Olivier Roy.

In his globally significant work *"L'échec de l'islam politique"* (1992), Roy emphasized that Islamic movements had failed in their attempts to seize power and establish stable Islamic regimes within the framework of modern nation-states. Applying this concept to Central Asia, he viewed the Islamic revival in the region more as a movement for cultural and national identity restoration rather than political radicalism [12]. In his analysis of the civil war in Tajikistan, he regarded this conflict not as an attempt at Islamic revolution, but as a manifestation of regional and inter-clan struggle masked by religious slogans. For Roy, "Islam" in this context was not an independent factor in

political struggle, but rather a language for expressing existing socio-political contradictions [13, 14, 5].

Roy's primary contribution was to soften the drama surrounding the Islamic issue and to question the very idea of political Islam. In other words, Roy intellectually disarmed the fear of the "Islamic threat" and shifted the analysis from political slogans back to social reality. Although the research of this period was mainly focused on macro-political analysis, it abandoned the view of Islam as a monolithic force and laid the foundation for the next stage of in-depth anthropological studies [14].

3.2. Second stage (2000s): Fundamental anthropological turn – “everyday Islam” history and society

By the 2000s, the focus of research had changed dramatically: it shifted from the political field to the social and cultural field, from "top" to "bottom." Scholars began to study not the role of Islam in state policy, but its place in the lives of ordinary people and its daily practices. This "anthropological turn" became the "calling card" of the French school.

One of the most prominent representatives of this approach was the historian Stéphane A. Dudoignon [6]. In his numerous works, he studied the historical layers of Islam in Central Asia - the debates between Jadidism and traditionalism, Sufi orders (especially Naqshbandiya), the cult of local saints, and the traditions of pilgrimage sites. His research has shown that many religious disputes and groupings in the post-Soviet era were actually a continuation of historical disagreements from the early 20th century or even earlier. He demonstrated that Islam was never unified and monolithic in the region, but rather always existed in various forms, in synthesis with local cultures.

During this period, gender issues also became an object of research. Anthropologist Habiba Fathi's studies on the religious life of women in Uzbekistan, particularly the institution of *otin oyi*, have been of fundamental importance. She analyzed *otins* not only as transmitters of religious knowledge but also as social actors who preserved religious traditions during the Soviet period and played a central role in their revival during the post-Soviet era [15, 10, 16]. Her work challenged patriarchal interpretations of the Islamic revival, demonstrating the active participation and agency of women in this process.

Catherine Poujol, in her research, studied the role of Islam in shaping post-Soviet national identities. She analyzed states' attempts to incorporate Islam into national ideology and the contradictions in this process, especially the relationship between Islamic values and the heritage of the nomadic way of life [11]. For all these scholars, long-term field research, knowledge of local languages, and direct communication with people became an integral part of their studies.

3.3. Third stage (2010-present): Transnational flows, state control and new fields

In the last decade, research has become more diversified under the influence of globalization and political changes in the region.

Transnational movements: The most prominent researcher in this field is Bayram Balci. In his works such as "Renouveau de l'islam en Asie centrale et dans le Caucase" [3], he conducted a comparative analysis of Turkish religious movements in the region (the Fethullah Gülen movement, the Nurju, the Sulaymonchilar) and Salafi currents entering from the Arab world. Balci's approach is based on viewing these movements not only as tools of geopolitical "soft power," but also as complex phenomena that create unique "grassroots social networks" through education, business, and social assistance. In Anne Ducloux's review of Balci's book, it is noted that "Bayram Balci... attempts to explain these religious currents not from a geopolitical perspective, but through their socio-religious logic and methods of integration into local societies" [17].

State-religion relations: In his research, Sébastien Peyrouse provides an in-depth analysis of post-Soviet states' policies in the religious sphere. He demonstrates that states not only seek to control and restrict Islam but also actively utilize it (instrumentalization) to reinforce their legitimacy and construct a national ideology [18, 4]. In his review of the collection edited by Peyrouse, Balci, B specifically emphasizes that the book reveals how "state policy in the religious

sphere encompasses not only repressive measures but also complex strategies aimed at managing and exploiting religious diversity" [1]. This implies abandoning the approach that views state and religion solely as opposing forces and recognizing the complex processes of negotiation and adaptation between them.

Another article by Aurélie Biard examines the intricate relationship between the state, religion, and society in post-Soviet Kyrgyzstan. It explores how religious identities and practices are being reshaped and utilized by various actors following the collapse of the USSR. The study focuses on the "usages of the religious," analyzing how Islam is instrumentalized for political legitimacy, social cohesion, and national identity construction. It investigates the tension between state-promoted "national" Islam and transnational movements like the Tablighi Jama'at. The central thesis argues that religion serves as a key indicator and management tool for the profound social transformations in contemporary Kyrgyzstan [19].

Today, French scholars are also actively investigating new and relevant topics such as digital Islam (Telegram channels, online imams), the impact of labor migration on religiosity, and the development of Islamic finance.

4. Discussion

4.1. The distinctiveness and intellectual contribution of the French school

The main achievements of the French school stem from its methodological and conceptual uniqueness:

Empiricism based on field research (Terrain): The French tradition prioritizes long-term, in-depth ethnographic studies over theoretical speculation. This allows researchers to examine phenomena "from within," understanding people's motivations and worldviews.

Deep historicity: Contemporary phenomena are always analyzed in their historical context - from the perspective of Tsarist Russian colonialism, Jadidism, Soviet modernization, and the legacy of atheism. This approach helps to understand that post-Soviet processes are not simply a "return," but a complex transformation.

"De-essentialization" of Islam: French scholars consistently emphasize that there is no single, immutable essence called "Islam." For them, Islam is a collection of traditions, texts, and practices that are continuously reinterpreted and applied by various social groups.

4.2. Comparative analysis with other scholarly traditions: Three perspectives

To better comprehend the distinctiveness and intellectual contribution of the French school, it is appropriate to compare it with two other major scholarly traditions studying Central Asia - the Anglo-American and Russian schools. These three schools view Islam in the region through three different, sometimes contradictory, lenses.

The Anglo-American school primarily relies on paradigms from political science, international relations, and security studies. This approach is often characterized by post-Cold War geopolitical interests and the discourse of "counter-terrorism" that intensified after the events of September 11. Consequently, its conceptual framework is built around notions such as "radicalization," "terrorism," "democratization," and "failed states." As research subjects, it typically focuses on political parties (for example, the banned Hizb ut-Tahrir or the Islamic Renaissance Party of Tajikistan), armed groups, state policies, and power struggles among elites. Methodologically, this school is based on the analysis of political documents, quantitative analysis, political modeling, and often short-term field trips involving interviews with politicians or experts. As a result, the main objective of this school is frequently practical in nature: developing policy recommendations for Western governments, assessing potential risks, and forecasting political processes in the region. In other words, for the Anglo-American school, Islam is often viewed as a political variable that either poses a threat to stability or, conversely, may contribute to democratization.

The Russian scientific school also places great emphasis on security issues, but its perspective, unlike that of the West, is deeply state-centric and stems from its own geopolitical interests. For Russia, Central Asia is its "near abroad" and a buffer zone for national security.

Therefore, the central concepts in Russian research are "religious extremism," "separatism," "geopolitical competition," and particularly "external influence" behind various religious groups (for example, the influence of Saudi Arabia, Turkey, or Iran). The objects of study are primarily state security agencies, religious groups deemed "non-traditional," and the state's official policy in the religious sphere. The methodology often relies on the analysis of official documents, reports from government agencies, and surveys of experts close to the state, which frequently gives the research a character reflecting the official position. The main objective of this school is to ensure state security, protect Russia's geopolitical interests in the region, and identify potential destabilizing factors.

In stark contrast to these two major traditions, the French school distinguishes itself through its anthropological, sociological, and historical approaches. Its paradigm is founded on viewing Islam not as a political threat or a geopolitical tool, but as an integral part of society, a living socio-cultural phenomenon. Consequently, its central concepts differ: "everyday Islam" (*islam au quotidien*), "social logic" (*logique sociale*), "re-Islamization," and "transnational social networks." French researchers focus more on local communities, religious practices, the lived experiences of ordinary people, family rituals, and networks of informal religious education, rather than on political elites or armed groups. The primary methodology to achieve this comprises long-term field research (ethnography), profound knowledge of local languages, archival work, and qualitative analysis methods. The main objective of the French school is not to provide political recommendations or ensure state security, but to gain a deep understanding of socio-cultural processes in all their complexity and contradictions.

Generally speaking, while the Anglo-American school mainly seeks to answer the question "What can Islam do?" (political threat or opportunity), and the Russian school focuses on "How to protect oneself from Islam?," the French school strives to answer fundamental questions such as "What is Islam for ordinary people?" and "How does it live in society?" This fundamental difference defines the unique and profound contribution of the French school to Central Asian Islamic studies.

4.3. Critical Analysis: Shortcomings and Limitations of the French School

Like any academic school, the French school is not free from certain limitations and criticisms. Its approaches leave a number of questions open:

"Anthropological bias" and neglecting political structures: Excessive emphasis on the anthropological approach can sometimes relegate the influence of broader political and economic structures to the background. For example, focusing on everyday religious practices may not fully reveal the impact of strict control over religious freedoms by authoritarian regimes in the region and the effects of repression on the lives of ordinary believers. Researchers sometimes become so engrossed in the "bottom-up" perspective that they inadequately assess the coercive power of the state directed "top-down."

Underestimating the role of ideology: Focusing on social practices and networks can sometimes lead to underestimating the inherent power of religious ideologies. Some transnational movements (for example, Salafism) not only address social needs but also offer a powerful ideological system that fundamentally transforms people's worldviews and motivates them to take specific actions. The French school sometimes attempts to explain this ideological appeal within the framework of "social logic," potentially overlooking its distinctive nature.

Limitations in the Francophone world: Many fundamental studies are published only in French and rarely translated into English. This situation restricts the reach of the French school's ideas and findings to the broader international scientific community, rendering it somewhat "insular." This hinders effective dialogue and debate with Anglo-American academic circles.

Insufficient attention to economic factors: Emphasis on cultural and social aspects can often overshadow the impact of economic factors - such as poverty, unemployment, and social inequality - on religious revival and sometimes radicalization. Some studies inadequately address how the search for religious identity can often stem from a sense of economic desperation and injustice.

5. Conclusion

In conclusion, French academic research on Islamic issues in Central Asia during the post-Soviet era has created a rich, multifaceted, and unique intellectual landscape. This research has undergone a significant evolutionary journey, from deconstructing simplified notions of "political Islam" in the 1990s, through anthropological studies delving into the deep layers of society, to examining the complex dynamics of globalization and state control in the present day.

Olivier Roy "de-dramatized" the Islamic revival, opening new horizons for analysis. Stéphane Dudoignon and Habiba Fathi revealed the local, historical, and gender-related dimensions of Islam. A new generation of scholars, such as Bayram Balci and Sébastien Peyrouse, enriched the field of research with nuanced insights into transnational movements and the intricate mechanisms of state-religion relations.

The French school's greatest achievement lies in liberating Islam from abstract geopolitical or security-related categories, studying it instead as a living and dynamic socio-cultural phenomenon that exists in people's real lives. Simultaneously, it is crucial to acknowledge its potential limitations, such as "anthropological bias" and insufficient attention to political and economic factors. Despite these shortcomings, the methodological approaches and empirical findings of the French school remain an integral and invaluable resource for understanding contemporary societies in Central Asia.

REFERENCES

1. Balci, B. (2005). Peyrouse Sébastien, Des chrétiens entre athéisme et islam. Regards sur la question religieuse en Asie centrale soviétique et post-soviétique. *Revue des mondes musulmans et de la Méditerranée*, 107-110. <https://doi.org/10.4000/remmm.2846>
2. Balci, B. (2011). Islam et mondialisation en Asie centrale et dans le Caucase post-soviétique. In J.-F. Sabouret (Ed.), *L'Asie-monde*. CNRS Éditions. <https://doi.org/10.4000/books.editions-cnrs.11755>
3. Balci, B. (2017). *Renouveau de l'islam en Asie centrale et dans le Caucase*. CNRS Éditions.
4. Peyrouse, S. (2003). *Des chrétiens entre athéisme et islam. Regards sur la question religieuse en Asie centrale soviétique et post-soviétique*, Paris, Maisonneuve & Larose/IFEAC, 406 p.
5. Roy, O. (2001). Islam et politique en Asie centrale. *Archives de sciences sociales des religions*, 115. <https://doi.org/10.4000/assr.18303>
6. Dudoignon, S. (2014) *Allah's kolkhozes. Migration, de-stalinisation, privatisation and the new muslim congregations in the soviet realm (1950S-2000S)*. Berlin, Klaus Schwarz Verlag, 541 p.
7. Fathi, H. (1996). La naissance de la coopération islamiste en Asie centrale. *Recherches Internationales*, 46, 65–80. <https://doi.org/10.3406/rint.1996.2437>
8. Fathi, H. (2001). État, islam et laïcité en Asie centrale. In B. Balci & B. Buchwalter (Eds.), *La Turquie en Asie centrale*. Institut français d'études anatoliennes. <https://doi.org/10.4000/books.ifeagd.143>
9. Fathi, H. (2007). Introduction. *Cahiers d'Asie centrale*, 15/16. <http://journals.openedition.org/asiecentrale/86>
10. Fathi, H. (2004). Femmes d'autorité dans l'Asie centrale contemporaine. Quête des ancêtres et recompositions identitaires dans l'islam postsoviétique. Paris: Maisonneuve & Larose-Institut Français d'Études sur l'Asie Centrale, 348 p.
11. Drweski, B. (2001). Catherine Poujol, *L'islam en Asie centrale — Vers la nouvelle donne* (Ellipses, 2001). *Recherches Internationales*, 66, 188.
12. Roy, O. (1992) *L'Échec de l'Islam politique*, Paris, Le Seuil, 249 p.
13. Blum, A. (1997). Olivier Roy, *La nouvelle Asie centrale ou la fabrication des nations*. *Annales. Histoire, Sciences Sociales*, 52(3), 691–694.
14. Dorronsoro, G. (1997). O. Roy, *La nouvelle Asie centrale ou la fabrication des nations*. *Politix*, 10(40), 158–163.

15. Dudoignon, S. (2006). Habiba Fathi, Femmes d'autorité dans l'Asie centrale contemporaine. *Cahiers du monde russe*, 47(4). <https://doi.org/10.4000/monderusse.6815>
16. Hohmann, S. (2004). Fathi H. — Femmes d'autorité dans l'Asie centrale contemporaine. Quête des ancêtres et recompositions identitaires dans l'islam postsoviétique. *Population*, 59(6), 1003–1005.
17. Ducloux, A. (2020). [Review of the book BALCI Bayram, *Renouveau de l'islam en Asie centrale et dans le Caucase*]. *Revue des mondes musulmans et de la Méditerranée*, 147. <https://doi.org/10.4000/remmm.12353>
18. Peyrouse, S. (2005). Religion et pouvoir d'État en Asie centrale. *Transcontinentales*, 1. <https://doi.org/10.4000/transcontinentales.282>
19. Biard, A. État, religion et société en Asie centrale post-soviétique. Usages du religieux, pratiques sociales et légitimités politiques au Kirghizstan. (2015). *Études mongoles et sibériennes, centrasiatiques et tibétaines*, 46. <https://doi.org/10.4000/emscat.2719>

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балджи, Б. (2005). Пейруз Себастьян. Христиане между атеизмом и исламом. Взгляд на религиозный вопрос в советской и постсоветской Центральной Азии. *Revue des mondes musulmans et de la Méditerranée*, 107-110. <https://doi.org/10.4000/remmm.2846>
2. Балджи, Б. (2011). Ислам и глобализация в Центральной Азии и на постсоветском Кавказе. В: Ж.-Ф. Сабурэ (ред.), *L'Asie-monde*. CNRS Éditions. <https://doi.org/10.4000/books.editions-cnrs.11755>
3. Балджи, Б. (2017). Возрождение ислама в Центральной Азии и на Кавказе. CNRS Éditions.
4. Пейруз, С. (2003). Христиане между атеизмом и исламом. Взгляд на религиозный вопрос в советской и постсоветской Центральной Азии. Париж: Maisonneuve & Larose / IFEAC, 406 с.
5. Руа, О. (2001). Ислам и политика в Центральной Азии. *Archives de sciences sociales des religions*, 115. <https://doi.org/10.4000/assr.18303>
6. Дудуаньон, С. (2014). Аллаховы колхозы. Миграция, десталинизация, приватизация и новые мусульманские общины в советском пространстве (1950-е — 2000-е гг.). Берлин: Klaus Schwarz Verlag, 541 с.
7. Фати, Х. (1996). Рождение исламского сотрудничества в Центральной Азии. *Recherches Internationales*, 46, 65–80. <https://doi.org/10.3406/rint.1996.2437>
8. Фати, Х. (2001). Государство, ислам и светскость в Центральной Азии. В: Б. Балджи и Б. Бушвальтер (ред.), *Турция в Центральной Азии*. Institut français d'études anatoliennes. <https://doi.org/10.4000/books.ifeagd.143>
9. Фати, Х. (2007). Введение. *Cahiers d'Asie centrale*, 15/16. <http://journals.openedition.org/asiecentrale/86>
10. Фати, Х. (2004). Женщины-авторитеты в современной Центральной Азии. Поиск предков и реконструкция идентичности в постсоветском исламе. Париж: Maisonneuve & Larose – Institut Français d'Études sur l'Asie Centrale, 348 с.
11. Дрвески, Б. (2001). Катрин Пужоль. Ислам в Центральной Азии — к новому положению дел (*Ellipses*, 2001). *Recherches Internationales*, 66, 188.
12. Руа, О. (1992). Провал политического ислама. Париж: Le Seuil, 249 с.
13. Блюм, А. (1997). Оливье Руа. Новая Центральная Азия или создание наций. *Annales. Histoire, Sciences Sociales*, 52(3), 691–694.
14. Доронсоро, Г. (1997). О. Руа. Новая Центральная Азия или создание наций. *Politix*, 10(40), 158–163.
15. Дудуаньон, С. (2006). Хабиба Фати. Женщины-авторитеты в современной Центральной Азии. *Cahiers du monde russe*, 47(4). <https://doi.org/10.4000/monderusse.6815>

16. Хóманн, С. (2004). Фати, Х. — Женщины-авторитеты в современной Центральной Азии. Поиск предков и реконструкция идентичности в постсоветском исламе. *Population*, 59(6), 1003–1005.
17. Дюклу, А. (2020). [Рецензия на книгу Балджи, Байрам. Возрождение ислама в Центральной Азии и на Кавказе]. *Revue des mondes musulmans et de la Méditerranée*, 147. <https://doi.org/10.4000/remmm.12353>
18. Пейруз, С. (2005). Религия и государственная власть в Центральной Азии. *Transcontinentales*, 1. <https://doi.org/10.4000/transcontinentales.282>
19. Биар, А. (2015). Государство, религия и общество в постсоветской Центральной Азии. Использование религиозного, социальные практики и политическая легитимность в Кыргызстане. *Études mongoles et sibériennes, centrasiatiques et tibétaines*, 46. <https://doi.org/10.4000/emscat.2719>

Сапаров Сарбоз Холбутаұлы

Докторант

Әбу Райхан Бируни атындағы Өзбекстан Ғылым академиясының Шығыстану институты,

Email: saparovsarboz437@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-9219-8705>

КИДАРИТТЕРДІҢ СОЛТҮСТІК-БАТЫС ҮНДІСТАНДАҒЫ БИЛІГІ: ЖАУЛАП АЛУ, БАСҚАРУ ЖӘНЕ МҰРА

Түйіндеме

Бұл мақалада Кидариттер мемлекетінің тарихы (б.з. IV–V ғғ.) жан-жақты қарастырылып, олардың жаулап алу жорықтары, басқару жүйесі және Солтүстік-Батыс Үндістандағы мәдени мұрасы талданады. Зерттеу негізіне жазба деректер, археологиялық материалдар және нумизматикалық айғақтар алынды. Қытай жылнамалары, римдік және византиялық авторлар, армян және парсы деректері, сондай-ақ үнді эпиграфикалық жазбалары Кидариттердің Тохарстан, Гандхара және Пенджабтағы саяси, әскери және дипломатиялық қызметін сипаттайды. Археологиялық деректер — қираған қалалардың қабаттары мен қоныстар құрылымындағы өзгерістер — олардың шапқыншылықтары салдарынан болған аумақтық және әлеуметтік-саяси өзгерістерді көрсетеді.

Нумизматикалық материалдар ерекше маңызға ие: олар Кидариттердің кушан титулдары мен иконографиясын қолдану арқылы билігін заңдастырғанын, алтын және күміс теңгелерінің Орталық Азия, Иран және Үндістан арасындағы халықаралық саудада белсенді рөл атқарғанын көрсетеді. Кидариттер мемлекеті Кушан империясының құлауынан кейінгі және Эфталиттердің (Ақ ғұндар) өрлеуінен бұрынғы өтпелі кезең ретінде қарастырылады. Қысқа мерзімді билігіне қарамастан, Кидариттер кушан дәстүрлерінің сақталуына, өнер, басқару және діни өмірдің жалғасуына елеулі үлес қосты, сонымен қатар аймақтың саяси мәдениетіне жаңа көшпелі-әскери элементтер енгізді.

Зерттеу нәтижесі Кидариттерді тек қиратушы күш ретінде емес, екі тарихи кезеңнің арасын жалғаған динамикалық саяси субъект ретінде бағалау қажеттігін көрсетеді. Олардың билігі мемлекеттік құрылым элементтерін қайта қалпына келтірді, сауда жолдарын жандандырды және постимпериялық Орталық пен Оңтүстік Азиядағы мәдени сабақтастықты нығайтты. Осы тұрғыдан Кидариттер аймақ тарихындағы маңызды, бірақ жиі елеусіз қалған құбылыс болып табылады.

Кілт сөздер: Кидариттер, Тохарстан, Гандхара, Солтүстік-Батыс Үндістан, Хиониттер, ғұндар, эфталиттер, кушандар, археология, нумизматика, жазба деректер, Сасанилер империясы, Гупта империясы, Пенджаб, Кабул, Балх, халықаралық сауда, буддизм мәдениеті, мәдени сабақтастық, көшпелі конфедерациялар, постимпериялық өтпелі кезең.

Сапаров Сарбоз Холбута угли

Докторант

Институт востоковедения имени Абу Райхана Бируни Академии наук Республики Узбекистан

Email: saparovsarboz437@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-9219-8705>

ПРАВЛЕНИЕ КИДАРИТОВ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ИНДИИ: ЗАВОЕВАНИЕ, УПРАВЛЕНИЕ И НАСЛЕДИЕ

Аннотация

В государстве проводится всестороннее исследование истории Кидаритского царства (IV–V вв. н. э.), рассматриваются его завоевания, система управления и культурное наследие в Северо-Западной Индии и определенных регионах. Основными исследованиям служат письменные источники, археологические материалы и нумизматические данные. Китайские хроники, римские и византийские авторы, армянские и персидские свидетельства, а также индийские эпиграфические надписи раскрывают политические, военные и дипломатические подробности деятельности Кидаритов в Тохаристане, Гандхаре и Пенджабе. Археологические данные, включающие слои разрушений городов и изменения в структуре поселений, территориальные сдвиги и социально-политические потрясения, которые называются инвазиями.

Нумизматические материалы, относящиеся к центральному городу, представляют интерес для анализа: они показывают, что Кидариты легитимизируют свою власть, используя кушанские титулы и иконографию, а золотые и серебряные монеты свидетельствуют об активной ареале и международной торговле Центральной Азии, Ирана и Индии. Кидаритское государство рассматривается как переходное звено между падением Кушанской империи и возвышением Эфталитов (Белых гуннов). Несмотря на недолгое правление, Кидариты внесли значительный вклад в сохранение кушанских традиций и искусств, управления и религиозной жизни, а также новых кочевых и военно-политических элементов и политической культуры в регионе.

Исследование подчеркивает, что Кидаритов следует рассматривать не только как разрушителей, но и как динамическую силу, объединившую два исторических этапа. Их управление восстановило элементы государственного устройства, стимулировало торговлю и способствовало культурному превосходству в постимперской Южной и Центральной Азии. И в этом отношении Кидариты занимают важное, но зачастую недооцененное место в истории региона.

Ключевые слова: Кидариты, Тохаристан, Гандхара, Северо-Западная Индия, Хиониты, гунны, эфталиты, кушаны, археология, нумизматика, письменные источники, Сасанидская империя, Гуптская империя, Пенджаб, Кабул, Балх, международная торговля, буддийская культура, культурная преемственность, кочевые конфедерации, постимперский переход.

Saparov S.

Doctoral student

Al Biruni Institute of Oriental Studies, Uzbekistan Academy of Sciences

Email: saparovsarboz437@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-9219-8705>

KIDARITES RULE IN NORTHWESTERN INDIA: CONQUEST, GOVERNANCE, AND LEGACY

Abstract

This article provides a comprehensive study of the history of the Kidarites kingdom (4th–5th centuries CE), analyzing its conquest, governance, and legacy in northwestern India and adjacent regions. Drawing on a wide range of sources—written records, archaeological materials, and numismatic evidence—the research aims to reassess the role of the Kidarites as both conquerors and state-builders. Written sources, including Chinese chronicles, Roman and Byzantine historians, Armenian and Persian records, and Indian epigraphic inscriptions, shed light on the political, military, and diplomatic activities of the Kidarites in Tokharistan, Gandhara, and the Punjab region. Archaeological evidence, such as urban destruction layers and settlement patterns, reflects the

territorial shifts and sociopolitical disruptions caused by their invasions, while also demonstrating attempts to restore governance and stability.

Numismatic materials play a central role in the analysis, illustrating how the Kidarites legitimized their authority by adopting Kushan titles, iconography, and administrative traditions. The circulation of their gold and silver coins underscores not only their economic power but also their active participation in regional and international trade networks connecting Central Asia, Iran, and India. The article further highlights the transitional nature of the Kidarites polity, situating them between the decline of the Kushan Empire and the rise of the Hephthalites (White Huns). Despite their relatively brief dominance, the Kidarites contributed to the preservation of Kushan legacies in art, governance, and religious life, while also introducing new nomadic-military elements into the region's political landscape.

The study emphasizes that the Kidarites should not be seen merely as destructive invaders but rather as a dynamic force that bridged two historical epochs. Their rule exemplifies how nomadic confederations could integrate sedentary administrative traditions, maintain trade routes, and contribute to cultural continuity in post-imperial South and Central Asia. In this respect, the Kidarites represent an important, though often overlooked, chapter in the history of the region, whose impact resonated long after their political decline.

Keywords: Kidarites, Tokharistan, Gandhara, Northwestern India, Chionites, Huns, Hephthalites, Kushans, archaeology, numismatics, written sources, Sasanian Empire, Gupta Empire, Punjab, Kabul, Balkh, international trade, Buddhist culture, cultural continuity, nomadic confederations, post-imperial transition.

Introduction. By the end of the 3rd century CE, the balance of power in Central Asia and the northwestern regions of India began to shift, leading to the gradual disintegration of the once-mighty Kushan Empire. During this period, the Sasanian Empire of Iran intensified its influence in the region. Sasanian King Shapur I (r. 239–270), in his inscriptions, claimed to have conquered the Kushan domain as far as Purushapura (modern-day Peshawar) [1, p.104]. Subsequently, the Sasanians appointed their own governors in these territories—rulers bearing the title Kushanshah—and established nominal control over areas around Balkh (Bactria) and Kabul. However, from the early 4th century onwards, new waves of nomadic tribes from the north began to exert pressure southward. The Chionites (or Xionites) and allied Hunnic tribes posed a serious threat to both the Sasanians and the Kushanshah rulers [2, pp. 60–61]. According to the Roman historian Ammianus Marcellinus, Sasanian King Shapur II (r. 309–379) spent much of his reign in bloody wars against the Chionites and other nomadic groups who invaded the northeastern frontiers of the empire [2, p.103]. Among these nomadic groups, a distinct faction later known as the Kidarites emerged and established their authority in northwestern India by the mid-4th century CE. The term “Kidarites” is derived from the name of their leader, Kidara. Under Kidara's leadership, this group initially appeared within the former territories of the Kushanshahs, presenting themselves as the legitimate successors to the Kushan dynasty. Some scholars, such as R. Ghirshman and W. Sundermann, regard the Kidarites as the fourth and final phase of the Kushan dynasty. Others, however, consider them a distinct confederation of diverse ethnic groups that had broken away from the broader Hunnic (Huna) tribal alliance [2, p.44]. The role of Kidara himself was crucial in the formation of the Kidarites polity; it was he who founded both the dynasty and the state that bore his name. This article analyzes the Kidarites incursion into northwestern India, their conquest of the region, and their methods of governance based on historical and scholarly sources. The introduction provides an overview of the historical context and key sources, while the main body of the article will explore the emergence of the Kidarites state, their campaigns in northwestern India, and the administrative systems they implemented.

Formation of the Kidarites State

In the first quarter of the 4th century CE, the Kushanshahs—appointed by the Sasanian Empire—retained relatively autonomous rule over Balkh and the adjacent region of Bactria.

However, during this same period, the pressure from nomadic tribes migrating southward from the steppes was steadily increasing. According to Chinese chronicles, in the late 330s CE, a military leader of Yuezhi (Kushan) descent named Kidara (referred to as “Sidolo” in Chinese sources) began a military campaign southward toward the Hindu Kush region [3, pp. 205–206]. By around 350 CE, the Kushanshahs had become severed from central authority and fell under the influence of the Xionites (Kidara-Huns). The appearance of symbols characteristic of the Kidarites on some of the last Kushanshah coins suggests that the Kushanshahs had effectively become puppets of the Xionites [4, p. 120]. This internal weakening of the Kushanshah state paved the way for Kidara’s rise to power. According to historian V. Masson, Kidara was initially an active participant in the tribal alliance of the Xionites and cooperated with them in campaigns against the Sasanians [2, pp. 46–47]. During the reign of Sasanian King Shapur II (mid-4th century), the Xionites and the Kidarites jointly conquered Bactria (Balkh), which was under Sasanian control. Following this conquest, Kidara advanced southward, crossing the Hindu Kush mountains and invading the Indian subcontinent. Sources state that in the early 360s CE, Kidara captured Gandhara and proclaimed himself an independent ruler [3, pp. 125–126]. Although Emperor Shapur II launched several military campaigns to eliminate this threat on the empire’s eastern frontier, he failed to achieve significant success. Armenian historian Faustus of Byzantium recounts that Shapur II’s army was decisively defeated by the Kushan (Kidarites) forces: “The Kushan army defeated the Persians, killing many, taking many prisoners, and forcing the rest to flee.” Researchers estimate that this event occurred around the 370s CE [5, p. 158]. Thus, Kidara established his own state and, to present himself as the legitimate heir of the Kushans, began minting coins in his name. The earliest coins, struck in Balkh in 365 CE, bear the name Kidara and depict a crown with two horns—resembling “devil’s horns”—with decorative ribbons surrounding the head. This crown design closely resembles that of Sasanian king Shapur II, suggesting that Kidara reigned during the same period [4, pp. 121–132]. At the same time, silver coins bearing Kidara’s name also began circulating in Gandhara (Peshawar region).

Numismatist A. Mandelstam, based on his research, concluded that: “Kidara was in fact a representative of the final Kushan dynasty—referred to as the ‘Small Kushans’—who ruled in Northern Bactria after the collapse of the Great Kushan Empire.” [6, p. 72] This implies that Kidara may have had direct genealogical ties to the Kushans and ruled as their legitimate successor. During Kidara’s reign, the territorial extent of the state rapidly expanded. According to sources, his domain extended from Balkh and Tokharistan in the north to Arachosia (Southern Afghanistan) and Gandhara in the south—encompassing the region from the Amu Darya River to the Indus River. In managing his empire, Kidara relied on his family members. Some sources note that he appointed his son as governor of Peshawar (center of Gandhara), while he himself returned to the north, establishing Balkh as the capital [4, pp. 120–122]. As a result, northwestern India came under Kidarites control, with Kidara governing the realm from Balkh.

There exists scholarly debate regarding the chronology of the Kidarites period. Some researchers place Kidara’s reign primarily in the third quarter of the 4th century CE (ca. 360–380), while others believe his rule extended into the early 5th century. For instance, orientalist V. G. Lukonin dates the Kidarites dynasty’s rule between 390–450 CE. Numismatist R. Göbl distinguishes between the final Sasanian-affiliated Kushanshahs, who ruled from 371–385 CE, and the Kidarites, who he dates from 385–440 CE. Other scholars, such as S. K. Kabanov and L. N. Gumilyov, place the lifespan of the Kidarites state between 418–468 CE. Of course, the existence of early Kidarites coins dated to 365 CE and related source material necessitates a more precise chronological reassessment. Nevertheless, in general terms, the Kidarites dynasty may be said to have ruled from the mid-4th to the mid-5th century CE [4, p. 112].

Kidarites Invasions of Northwestern India

The expansion of Kidarites authority into northwestern India marked the final stage for the remnants of the local Kushan lineages (often referred to as the “Lesser Kushans”) and the initial stage for the new Hunnic rulers arriving from Central Asia. Regions such as Gandhara, Taxila, and

Kashmir, although still influenced by Kushan cultural legacy during this period, had seen a significant decline in centralized authority, with small, independent local rulers exercising fragmented power. Kidara's battle-hardened forces rapidly crossed the Hindu Kush mountains and advanced southward, subjugating local authorities with little resistance [7, pp. 210–211]. The Chinese chronicle *Pei Shih* records: "The brave Yuezhi ruler Kidara crossed the Indus River with his army," confirming Kidara's southward military campaign toward the Indus [3, p. 122].

The Kidarites incursion appears to have encountered minimal opposition, as neither the Kushanshahs nor the Gupta Empire were paying sufficient attention to these distant western frontier regions at the time [8, pp. 22–26]. Gandhara (present-day Peshawar Valley) became one of the most important urban centers to fall under Kidarites control. This region had long served as a hub of trade and Buddhist culture since the Kushan period. Upon capturing it, Kidara is said to have appointed his son, Peroz, as the local governor [4, p. 126]. Continuing their advance into the Indian subcontinent, some accounts indicate that the Kidarites reached as far as the Punjab region. Chinese sources note that the Kidarites migrated into Punjab and established authority there as well—an area that was previously part of the Lesser Kushan territories [8, p. 26]. Thus, it is likely that the Kidarites succeeded in asserting their dominance over former Kushan domains in Punjab as well.

One of the significant outcomes of the Kidarite invasion was their relatively favorable reception by the local population. This can be attributed to the cultural continuity with the Kushans. The Kidarites presented themselves as heirs to the Kushan legacy, continued the use of Kushanshah coinage and royal titles, and were therefore possibly perceived by the local population as the "new Kushan rulers." Chinese envoys and travelers often described the Kidarites as descendants of the Yuezhi (Tocharians), i.e., direct successors of the ancient Kushans. In fact, sources from the 7th century CE still refer to Hunnic rulers in northwestern India as "Tocharians"—an indication that the Kidarites (and later the Hephthalites) were not seen as drastically different from their Kushan predecessors in terms of ethnicity and culture. Instead, they appeared to continue the Kushanoid tradition [3, p. 122].

To consolidate their rule in northern India, the Kidarite kings sought to establish an efficient local administration. They adopted administrative structures inherited from the earlier Kushan state and adapted them to their own governance system. For instance, regional governors bearing the title *yabghu* were appointed to oversee key cities and provinces. These governors were often members of the royal family or trusted military leaders. In major centers such as Balkh, Merv, and Peshawar, the Kidarites placed their direct representatives in power, allowing them to maintain centralized control over vast territories. While Sasanian and Armenian sources portrayed the Kidarites invasions as barbaric incursions by savage tribes, historical evidence suggests that the new rulers swiftly reestablished order and taxation systems, and attempted to restore local governance structures. These actions contributed to the revival of trade routes and urban life, particularly along caravan routes that had declined during the earlier period of instability.

Kidarites and Neighboring States: Relations and Conflicts **Relations with the Sasanian Empire**

After their conquest of northwestern India, the Kidarites came into direct conflict with the western neighbor — the Sasanian Empire of Iran. Initially, relations between the two powers were marked by hostility. As mentioned earlier, Sasanian king Shapur II attempted to halt the Kidarites advance but suffered a defeat in the process [5, p. 160]. Following Shapur II's death in 379 CE, the Sasanian dynasty experienced a period of internal instability, especially during the reigns of Ardashir II and Shapur III. Taking advantage of this disarray, the Kidarites operated independently and, for a time, forced the Sasanians to acknowledge their power. By the reign of Bahram V (r. 420–438), it appears that the Sasanians adopted a conciliatory approach toward the Kidarites. According to some traditions, Bahram V gave one of his royal relatives in marriage to the Kidarites king and agreed to pay tribute in exchange for peace. Historical records suggest that until approximately 440 CE, the Sasanian Empire paid regular tribute (*kharāj*) to the Kidarites — a testament to the Kidarites strength and geopolitical dominance during this period [1, p. 103]. By the

mid-5th century CE, however, the Sasanians began to reassert their influence along the northern frontier. During the reign of Yazdegerd II (r. 438–457) and later his son Peroz I (r. 457–484), military campaigns against the Kidarites were initiated. Prince Peroz, while contesting the Sasanian throne, sought the support of the Hunnic allies — specifically the Hephthalites — to defeat his internal rival. Once victorious in the dynastic struggle, he launched expeditions against the Kidarites in the northeast. Sources note that Peroz I either defeated the Kidarites ruler directly or exploited the opportunity created by the ruler's death to temporarily restore Sasanian authority in regions such as Khurasan and Bukhara. However, this victory proved short-lived, as the emergence of the Hephthalites (White Huns) soon posed a far greater threat, not only to the Kidarites but to the Sasanians themselves [9, p. 146].

Relations with the Gupta Empire (India)

At the time of the Kidarites incursion into northern India, the Indo-Gangetic plains located east of the Indus River were under the control of the Gupta Empire. However, until the mid-5th century CE, the Guptas had not deployed significant military strength along their northwestern frontier. As the Kidarites advanced into Eastern Punjab and Gandhara, confrontations with the Gupta forces became inevitable. During the reign of Skandagupta (r. 455–467), there is strong evidence that multiple Kidarites (referred to in Indian sources as Hunnic) invasions of northern India were successfully repelled [9, pp. 144–146]. The Bhitari pillar inscription (dated ca. 458 CE) commemorates Skandagupta's victories, including a triumph over the “mlechchha (foreign) enemies.” Scholars generally agree that these enemies were the Kidarites. According to sources, in 457 CE, the Kidarites invaded Gupta territory via Punjab but were defeated by Skandagupta. Interestingly, some Hunnic factions—such as one led by a commander named Hingila—are recorded in historical accounts as having allied with the Guptas during this conflict. Following Skandagupta's victory, the Kidarites were forced to retreat from Indian territory for a time [6, pp. 51–55]. However, this did not mark the end of the struggle for control over northern India. In the late 5th and early 6th centuries, a new wave of Hunnic invasions entered India. These invaders became known in history as the Hephthalites (White Huns) and inflicted serious damage on the Gupta Empire. These later incursions were not a direct continuation of Kidarites rule but rather represented the rise of a new and separate political force.

The rise and fall of the Kidarites state was deeply intertwined with other Hunnic-Turkic tribal confederations of Central Asia. Kidara's initial rise to power was closely associated with the Chionite (Chionite) Huns, while the eventual collapse of the Kidarites coincided with the emergence of the Hephthalites. According to some historical accounts, in the period between 420 and 440 CE, Hephthalite tribes began migrating from northeastern Central Asia, occupying parts of Bactria and Tokharistan, and gradually pushing the Kidarites westward and southward. British historian H. McGovern theorized that this pressure from the Hephthalites forced Kidara to abandon Balkh, relocating either westward (possibly to Khwarezm) or southward into India. In this scenario, his son Peroz may have continued to rule in northern India under what became known as the “Lesser Kushan” legacy. Reliable sources confirm that by the mid-5th century CE, the Kidarite state had disappeared entirely from the historical stage. In both Central Asia and northern India, they were replaced by the newly dominant Hephthalite Empire [2, pp. 85–90]. One of the most intriguing aspects of the sources is that some Sasanian and Greco-Roman authors described the Hephthalites as successors of the Kidarites, while others regarded them as an entirely new tribal confederation.

For example, the 6th-century Syrian chronicler Pseudo-Zacharias refers to a “King Kidar” followed by a ruler named “Ephthal,” which may indicate the succession of the Hephthalite leader Ephthal after Kidara. This narrative supports the interpretation that the Hephthalites supplanted the Kidarites — part of a broader and complex struggle between sedentary powers and nomadic invaders in the region.

Conclusion

During their roughly century-long rule (from the mid-4th to the mid-5th century CE), the Kidarites dynasty and state played a pivotal role in the history of Central Asia and northwestern

India. After the fall of the powerful Kushan Empire, the Kidarites filled the political vacuum in its northwestern territories and presented themselves as the direct successors of the Kushans. Their conquest of northwestern India occurred relatively quickly, restoring a degree of political stability to the region. The Kidarites adopted many of the administrative traditions and governance models of the Kushan state, enabling them to establish their rule without disrupting the cultural and religious life of the local population. Under their dominion, northwestern India once again became a vital link in international trade networks, particularly caravan routes between India and Central Asia. Numismatic and archaeological findings testify to this revitalization of cross-regional connections. Kidara and his successors minted gold and silver coins, not only as a medium of exchange but also as a means of legitimizing their political authority. The iconography and inscriptions on these coins largely reflected Kushan traditions, although some also show the influence of Sasanian culture—for example, the depiction of the ruler wearing a two-horned crown. Such imagery highlights the cultural synthesis that took place during this period.

The Kidarites rule has been interpreted differently across various local and foreign sources. Persian and Armenian records often portray the Hunnic invaders as barbaric and destructive, whereas Chinese and Indian sources generally depict the Kidarites as relatively civilized rulers, seen as successors to the Kushans who brought order to the lands they conquered. The truth likely lies somewhere between these two extremes: while the Kidarites retained their nomadic-military traditions, they also made concerted efforts to establish political and economic stability in the territories they controlled. The decline of Kidarites rule did not mean their total destruction or disappearance from history. On the contrary, the Hephthalites (White Huns), who succeeded them, can in many ways be seen as direct inheritors of the Kidarites state—in terms of territory, administrative structure, and even, to some extent, ethnic composition. Thus, even after the fall of the Kidarites kingdom, the Kushan-Hunnic legacy continued in Central Asia and northwestern India for several more decades. By the 6th century CE, this region witnessed the continuation of a syncretic civilization, shaped by both Central Asian nomadic traditions and local Indo-Aryan cultures.

In conclusion, the Kidarites symbolize a transitional epoch in the history of northwestern India. They served as a bridge between the classical Kushan Empire and the early medieval Hephthalite period, filling a crucial historical gap and preserving civilizational continuity. Their short yet significant rule illustrates that nomadic powers, often initially perceived as "barbaric," were capable of reestablishing state structures and contributing to the restoration of order and governance in post-imperial landscapes.

The Kidarites case demonstrates how nomadic groups could successfully integrate local administrative traditions and lay the groundwork for new historical phases. Indeed, the legacy of the Kidarites state reverberated in later historical sources and has been recognized by modern historiography as a noteworthy example of post-imperial transformation in Central and South Asia.

REFERENCES

1. Mandelstam A. On the Kidarites and the Lesser Kushans // *Vestnik Drevnei Istorii* (Bulletin of Ancient History). – 1958. – No. 3. – P. 61–79.
2. Çeliktaş, M. Melis. Evaluation of the Studies on the History of the Ak Huns in Turkey and Worldwide: Master's Thesis. – Ankara: Ankara University, Institute of Social Sciences, 2011. – 153 p.
3. A. H. Dani and B. A. Litvinsky "The Kushano-Sasanian Kingdom" in *History of Civilizations of Central Asia*, Vol. III, ed. B. A. Litvinsky. – Paris: UNESCO Publishing, 1996.
4. Zeimal, E. V. The Kidarite Kingdom in Central Asia // *History of Civilizations of Central Asia*. Vol. III: The Crossroads of Civilizations, A.D. 250 to 750 / edited by B. A. Litvinsky. – Paris: UNESCO Publishing, 1996.
5. Faustus Buzand. *History of Armenia* / translated from Ancient Armenian by S. T. Malhasyants. – Yerevan: Publishing House of the Armenian SSR Academy of Sciences, 1953. – 302 p.

6. Ray Atreyi. The Huṇas in India. PhD diss., University of London, 1965. – 312 p.
7. Khodjaev A. From the History of Ancient Turks (Information from Ancient Chinese Sources). – Almaty: 2011. – 275 p.
8. Thakur U. The Huṇas in India. – Varanasi: Chowkhamba Sanskrit Series Office, 1967. – 343 p.
9. Tsarkov O. E. The Political History of the Huns-Hephthalites // Bulletin de l'Académie Internationale CONCORDE. – 2024. – No. 2. – P. 59–104.
10. Litvinsky, B. A. “The Hephthalite Empire” // History of Civilizations of Central Asia, Vol. III. – UNESCO, 1996.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Мандельштам А. К вопросу о кидаритах и малых кушанах // Вестник древней истории. – 1958. – № 3. – С. 61–79.
2. Çeliktaş, M. Melis. Оценка работ по истории Ак Хунов, проведённых в Турции и в мире: Магистерская диссертация. – Анкара: Анкарский университет, Институт социальных наук, 2011. – 153 с.
3. А. Х. Дани и Б. А. Литвинский “Кушано-Сасанидское царство” в книге История цивилизаций Центральной Азии, том III, ред. Б. А. Литвинского. – Париж: Издательство ЮНЕСКО, 1996.
4. Зеймал, Е. В. Кидаритское царство в Центральной Азии // История цивилизаций Центральной Азии. Том III: Перекрёстки цивилизаций, 250–750 гг. н. э. / под ред. Б. А. Литвинского. – Париж: Издательство ЮНЕСКО, 1996.
5. Фавстос Бузанд. История Армении / пер. с древнеарм. С. Т. Малхасянца. – Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1953. – 302 с.
6. Рэй Атрейи. Хуны в Индии. Докторская диссертация, Лондонский университет, 1965. — 312 с.
7. Ходжаев А. Из истории древних тюрков (сведения древнекитайских источников). – Алматы: 2011. – 275 с.
8. Тахур У. Хуны в Индии. – Варанаси: Човхамба Санскритная серия, 1967. – 343 с.
9. Царьков О. Е. Политическая история гуннов-хионитов // Bulletin de l'Académie Internationale CONCORDE. – 2024. – № 2. – С. 59–104.
10. Литвинский, Б. А. “Эфталитская империя” // История цивилизаций Центральной Азии, том III. – ЮНЕСКО, 1996.

Тоирова Замира Субон қизи

Докторант

Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека

Исторический факультет

<https://orcid.org/0009-0000-2346-9846>

E-mail: zamiratoirova32@gmail.com

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО В ТАШКЕНТЕ ВО ВРЕМЯ И ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: РАЗВИТИЕ, ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

Аннотация

В статье анализируется развитие сельского хозяйства в Ташкенте и области в годы Второй мировой войны и в послевоенный период. Основное внимание уделяется проблемам, возникшим из-за нехватки техники и специалистов, а также решениям, применяемым в этих условиях. Подчеркивается, что приоритет отдавался хлопководству, в результате чего производство продовольственных культур для местного населения было снижено, что негативно сказалось на продовольственной безопасности региона. Отмечается важная роль женщин и детей, вынужденных активно участвовать в полевых работах из-за мобилизации мужчин на фронт. В статье рассматриваются экологические проблемы, связанные с массовым и чрезмерным использованием удобрений. Анализируется влияние советской аграрной политики, ориентированной на государственные потребности в ущерб интересам местного населения. В завершении подчеркивается необходимость нахождения баланса между государственными планами и обеспечением продовольственной независимости региона. Полученные результаты могут способствовать осмыслению исторических уроков и выработке актуальных рекомендаций для современного сельского хозяйства.

Ключевые слова. Сельское хозяйство, хлопководство, продовольствие, трудовые ресурсы, женский и детский труд, механизация, ирригация, минеральные удобрения, экологические проблемы.

Toirova Z.

Doctoral student

National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek

Faculty of History

<https://orcid.org/0009-0000-2346-9846>

E-mail: zamiratoirova32@gmail.com.

AGRICULTURE IN TASHKENT DURING AND AFTER THE SECOND WORLD WAR: DEVELOPMENT, PROBLEMS AND SOLUTIONS

Annotation

This article analyzes the development of agriculture in Tashkent and its region during and after the Second World War. The main focus is on the challenges arising from the shortage of equipment and specialists, as well as the solutions implemented in such difficult conditions. The article emphasizes the prioritization of cotton growing, which resulted in a decrease in the cultivation of food crops for the local population, negatively impacting the region's food security. The crucial role of women and children in agricultural work is highlighted, as they had to replace men mobilized to the front. The article also considers environmental issues caused by excessive fertilizer use. The impact of Soviet agricultural policy, which prioritized state needs over those of the local population, is critically analyzed. Finally, the importance of balancing state planning

requirements with regional food independence is underlined. The results contribute to drawing historical lessons and developing relevant recommendations for modern agriculture.

Keywords: Agriculture, cotton growing, food supply, labor resources, women's and child labor, mechanization, irrigation, mineral fertilizers, environmental problems.

Тоирова Замира Субонқызы

Докторант

Мырза Ұлықбек атындағы Өзбекстанның Ұлттық университеті

Тарих факультеті

<https://orcid.org/0009-0000-2346-9846>

E-mail: zamiratoirova32@gmail.com

ЕКІНШІ ДҮНИЕЖҮЗІЛІК СОҒЫС КЕЗІНДЕ ЖӘНЕ ОДАН KEЙІНГІ ТАШКЕНТТЕГІ АУЫЛ ШАРУАШЫЛЫҒЫ: ДАМУ, ПРОБЛЕМАЛАР ЖӘНЕ ШЕШІМДЕР

Аннотация

Бұл мақалада Екінші дүниежүзілік соғыс жылдары мен одан кейінгі кезеңде Ташкент пен оның аймағындағы ауыл шаруашылығының дамуы қарастырылады. Негізгі назар техника мен мамандардың жетіспеушілігіне байланысты туындаған мәселелер мен қолданылған шешімдерге аударылады. Мақалада мақта өсіруге басымдық беріліп, оның салдарынан жергілікті халық үшін азық-түлік дақылдары өндірісінің азайып, аймақтың азық-түлік қауіпсіздігіне кері әсер еткені көрсетіледі. Ер адамдар майданға шақырылғандықтан, ауылшаруашылық жұмыстарында әйелдер мен балалардың атқарған ерекше рөлі атап өтіледі. Сонымен қатар, тыңайтқыштарды шамадан тыс пайдалану нәтижесінде пайда болған экологиялық мәселелер де қарастырылған. Кеңестік аграрлық саясаттың мемлекеттік мүдделерді жергілікті қажеттіліктерден жоғары қойғаны талданады. Қорытындысында мемлекеттік жоспарлар мен өңірдің азық-түлік тәуелсіздігін қамтамасыз ету арасындағы тепе-теңдікті сақтау маңызды екені атап көрсетіледі. Бұл зерттеудің нәтижелері ауыл шаруашылығын дамытуға арналған заманауи ұсыныстарды әзірлеуге жол ашады.

Түйінді сөздер: Ауыл шаруашылығы, мақташылық, азық-түлік, еңбек ресурстары, әйелдер мен балалар еңбегі, механизация, ирригация, минералды тыңайтқыштар, экологиялық мәселелер.

Введение.

Вторая мировая война и последующий период 40-80-е годы стали периодом важных изменений в сельском хозяйстве Ташкентской области и ее большей части. Рост спроса на продукты питания в годы войны особенно требовал привлечения новых трудовых ресурсов в сельскохозяйственном секторе. Женщины и дети активно вовлекались во все сельскохозяйственные машиностроительные, машиностроительные и уборочные работы. Во время войны, как и во всех регионах, в Ташкентской области большое значение имело производство сельскохозяйственной продукции и сохранение цепочки поставок. В этот период в условиях нехватки сельскохозяйственной техники и ресурсов был проведен ряд практических работ по эффективному распределению трудовых ресурсов и внедрению новых технологий. К послевоенным годам сельскохозяйственный сектор стал одним из важных направлений экономического восстановления. Благодаря внедрению новых технологий и методов на практике увеличились объемы и качество сельскохозяйственной продукции.

Анализ литературы

Развитие сельского хозяйства на территории Ташкента во время и после Второй мировой войны было напрямую связано с политическими и экономическими изменениями в

масштабах страны. В годы войны Ташкент стал одним из основных опорных районов государства не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве. Возникшие в этот период проблемы и пути их преодоления, развитие отрасли тщательно изучены в ряде научной и учебной литературы. В работе "Развитие и размещение производительных сил СССР" (1972) особое внимание уделяется экономической жизни Советского Союза в годы войны и после нее, в том числе развитию сельского хозяйства Ташкентского оазиса. В нем говорится, что во время войны в результате перемещения производительных сил в восточные районы, в частности в Ташкент, перераспределения запасов и ресурсов повысился экономический потенциал региона. Поскольку мужчины ушли на фронт, основной труд лежал на других слоях населения, и даже в трудные годы население самоотверженно трудилось. Также представлена аналитическая информация о нехватке техники и ресурсов, механизации производства, внедрении современных аграрных технологий, улучшении ирригационных систем, восстановлении сельского хозяйства за счет послевоенных реформ, росте государственной поддержки.

Костенников В. М. "Развитие экономических районов СССР (перспективы и проблемы)" (1977) широко освещает перспективы и проблемы развития Ташкентского и всего экономического района Узбекистана. Автор, в частности, высказывает мнение о том, что в результате расширения инфраструктуры в сельскохозяйственном секторе после войны, внедрения новой техники и передовых агротехнологий, расширения площади орошаемых земель, квалифицированных кадров и современных производственных процессов удалось повысить аграрный потенциал Ташкентского региона. В производстве особое внимание уделяется существующим проблемам - нехватке техники и кадров, мелиоративным вопросам, ограничениям инфраструктуры и реформам, проводимым государством против них.

Методология исследования

Исследование сравнивает два этапа, опираясь на историко-компаративный подход: мобилизационная экономика в условиях войны и послевоенный механизированно-ирригационный этап. Посредством экономико-статистического анализа квантифицируются сдвиги в урожайности хлопка, общих сданных объемах, техническом обеспечении (тракторы, грузовики, ремонтное оборудование), нагрузке минеральными удобрениями (в расчете на гектар/кг) и доле продовольственных культур. В качестве базы данных используются статистические ежегодники, отраслевые отчеты, тексты решений, экономические обзоры в прессе, а также корреляционная проверка технико-производственных показателей; для чрезвычайных чисел военных лет используется треуголизация (сравнение нескольких независимых расчетов).

Предложения и результаты

Одной из основных задач в Ташкенте стало обеспечение продовольственной безопасности и интеграция с перерабатывающей промышленностью сельскохозяйственной продукции. Данная статья посвящена развитию сельского хозяйства в городе Ташкенте и Ташкентской области в военное время и послевоенные годы, освещению проблем, с которыми столкнулась сельскохозяйственная отрасль, и их решениям. В статье также рассказывается о реформах в сельском хозяйстве и их влиянии на общество.

С первых же дней войны узбекские дехкане заняли почетное и основное место. Перед сельским хозяйством республики с началом войны была поставлена ответственная задача стабильного снабжения фронта и тыла сельскохозяйственной продукцией, а промышленности - сырьем. Для этого, конечно, необходимо было в короткие сроки перевести сельскохозяйственное производство, как и все народное хозяйство, на военные рельсы. Необходимо было мобилизовать все материальные ресурсы сельского хозяйства, увеличить посевы технических культур, зерна, картофеля и овощей. Решение этих задач осложнилось по ряду причин. Во-первых, из-за многолетней хлопковой монополии Центра вся структура сельского хозяйства республики была в основном ориентирована на

выращивание хлопка. Выращивание зерновых культур занимало второстепенное место. Зерно в основном завозилось из РСФСР и Украины. Захват врагом зернопроизводящих районов поставил перед аграрной отраслью Узбекистана задачу самообеспечения республики собственным зерном. Однако для этого не было необходимой техники, специалистов, практически не использовался опыт предков. Более того, сталинская администрация ставила перед руководством Узбекистана задачу "самообеспечения продовольствием" [1, 112].

Хлопководство рассматривалось как ведущее направление сельского хозяйства края. Увеличение производства хлопка в условиях того времени считалось одним из важнейших вопросов, так как во время войны хлопок считался очень важным сырьем для оборонной промышленности. Во-вторых, с началом войны материально-техническая база аграрного производства значительно ослабла. Из-за объективных реалий транспортные средства МТС, колхозов и совхозов стремительно сокращались. Поставки тракторов и другой сельскохозяйственной техники практически прекратились. Резко сокращено снабжение аграрных предприятий запасными частями, удобрениями и топливом. В результате доля ручного труда чрезмерно возросла, а объем работ, выполняемых с помощью лошадей, увеличился. Земля вспахивалась преимущественно коровами. Широко использовался простой инструмент труда, такой как плуг, унаследованный от наших предков. В-третьих, значительно обострился кадровый вопрос. Война привлекла на фронт квалифицированные кадры и более 155 тысяч трудоспособного населения [2,446].

Условия войны 1942-1943 годов оказали негативное влияние на хлопководство Узбекистана. В результате войны хлопкоробы страны не смогли выполнить государственные планы, а урожайность хлопка резко снизилась. Если в 1941 году с каждого гектара было собрано 17,7 центнера хлопка, то в 1942 году этот показатель снизился до 9,4 центнера, а в 1943 году - до 7,1 центнера. В целом, колхозы и совхозы Узбекской ССР сдали государству около 1 миллиона тонн хлопка-сырца.

Причины этой ситуации были проанализированы в постановлении ЦК ВКП (б) от 6 марта 1944 года. В постановлении указаны такие факторы, как ошибки и недостатки, допущенные в руководстве хлопководством, сокращение хлопковых площадей, изменения в структуре хозяйств, нехватка рабочей силы и техники, низкий уровень производства минеральных удобрений, отсутствие обобщения и популяризации передового опыта, бесхозяйственность и нарушения в расчетах, несоблюдение правил агротехники. Кроме того, сократилась подготовка механизаторов и комбайнеров, в плачевном состоянии оказалось обеспечение колхозов грузовыми автомобилями.

В хлопководстве в результате неполного использования внутренних возможностей, недостаточной организационной устойчивости, слабых мер по внедрению передового опыта и недостатков в организации труда снизились объемы производства [3,348]. Большинство этих проблем объяснялись объективными и субъективными причинами, связанными с войной.

Несмотря на это, при поддержке правительства Центрального Союза были предприняты важные шаги по улучшению материально-технической базы колхозов, совхозов и МТС Узбекистана. В частности, в 1944-1945 годах было поставлено 2300 новых тракторов, 3000 грузовых автомобилей, более 70 тысяч единиц сельскохозяйственного инвентаря, 660 единиц ремонтного оборудования и 375 тысяч тонн минеральных удобрений. Отцовская помощь из города в деревню была усилена.

Принятые меры привели к восстановлению отрасли в Узбекистане [4,167]. В 1944 году план по заготовке хлопка был полностью выполнен 15 декабря, государству было сдано 820 тысяч тонн хлопка. Это на 325 тысяч тонн больше, чем в 1942 году. В 1945 году план по сдаче хлопка был выполнен на 100,6%, что на несколько тысяч тонн больше, чем в 1944 году. В этих достижениях большую роль сыграла крепкая дружба между рабочими и крестьянами страны, между городом и деревней.

В 1941-1945 годах промышленные предприятия города Ташкента поставляли колхозам тысячи единиц техники и сельскохозяйственной техники. По всей республике была оказана помощь запасными частями и удобрениями, тысячи сельских тружеников получили профессии на промышленных предприятиях [5, 87].

Инженеры-техники, специалисты сельского хозяйства, экономисты, преподаватели с высшим и средним специальным образованием получили образование в учебных заведениях разных городов республики и вернулись в свои села. Таким образом, в период с 1941 по 1945 год более 200 000 членов команды прошли обучение на различных курсах в Узбекистане [3,348].

В послевоенные годы процесс восстановления народного хозяйства Узбекистана был в первую очередь направлен на развитие хлопководства. Однако, в условиях дисбаланса в экономике, нехватки достаточных материальных средств, эффективных кадров и других ресурсов, на Узбекистан были возложены нереалистичные задачи в интересах Советской империи. В частности, в короткие сроки потребовалась комплексная механизация хлопководства, в том числе полная механизация сбора хлопка.

Промышленность и другие отрасли народного хозяйства республики также были тесно связаны с интересами хлопководства, став неотъемлемой частью "борьбы за хлопок." В этих условиях была запланирована масштабная работа по модернизации и строительству новых машиностроительных заводов, производящих необходимые для хлопководства и ирригационного строительства машины - культиваторы, удобрения, сеялки, хлопкоуборочные машины, экскаваторы, бульдозеры и другую технику.

Например, заводу "Тошкишлокмаш" поручено наладить производство хлопкоуборочных и первичных машин, а заводу "Тоштукимачиликмаш" - тары для текстиля. В целях развития хлопководства тоталитарный режим специализировал ряд машиностроительных заводов (например, "Ташсельмаш," "Узбексельмаш," "Красный двигатель," "Подъёмник" и др.) на производстве прицепных механизмов и запасных частей для тракторов [6,103]. Были созданы предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья, особенно хлопка и продукции животноводства. Кроме того, были созданы масложировая, текстильная и другие отрасли промышленности.

В целях повышения уровня развития хлопководства, например, Чирчикский электрохимический комбинат в короткие сроки отказался от военных заказов и перешел на производство минеральных удобрений. Предприятия легкой и местной промышленности в широких масштабах были ориентированы на производство землеройных устройств, борон, силовых трансформаторов и другой продукции.

Все эти процессы, в свою очередь, можно оценить как результат односторонней политики, направленной на хлопководство, которая препятствовала самостоятельному и комплексному развитию экономики Узбекистана [7].

Особое внимание было уделено развитию хлопководства. Поэтому были использованы все факторы, способствующие повышению урожайности. В частности, за счет вод бассейнов Амударьи и Сырдарьи было построено около 20 водохранилищ и более десяти каналов. Если в 1946 году на карте Узбекистана было только одно Каттакурганское водохранилище, то в последующие годы появилось множество водохранилищ, таких как Урта Тукай, Южный Сурхан, Учкизил, Чимкурбан, Куймазар, Касансай, Туябугуз, Туямуюн, Чарвак, Ахангаран [8,148-149].

Советская власть поставила своей главной целью получение как можно большего количества хлопка. Цветущие фруктовые сады и приусадебные участки также использовались для выращивания хлопка [9,4].

Кроме того, количество минеральных удобрений, поставляемых сельскому хозяйству Узбекистана, увеличивалось из года в год. Если в 1951 году сельское хозяйство Узбекистана получало 0,9 миллиона тонн минеральных удобрений, то в 1980 году их количество превысило 5 миллионов тонн [10,108].

По данным Государственного агропромышленного комитета республики, в 1981-1985 годах на каждый гектар хлопковых полей было использовано 241 кг азота, 120 кг фосфора и 51,6 кг калия (100% питательных веществ), в общей сложности ежегодно сбрасывалось 412,6 кг минеральных удобрений. Этот показатель превышал общесоюзный в 3,5 раза и США в 4,5 раза.

Бесконтрольно использованные и вредные удобрения не только нарушили естественное состояние почвы и нанесли непоправимый ущерб, но и повлияли на окружающую среду, поставив под угрозу экологическую ситуацию. Однако эти вопросы не интересовали представителей колониального режима; им нужно было получить как можно больше хлопка.

Поэтому в пятилетних планах объем выращивания хлопка в республике постоянно увеличивался. Если в 1946-1950 годах Узбекистан поставлял государству 7 миллионов 729 тысяч тонн хлопка, то в 1951-1955 годах этот показатель составил 12 миллионов 270 тысяч тонн. В 1981-1985 годах объем хлопка, поставляемого трудящимися Узбекистана, достиг 28 миллионов 617,6 тысяч тонн [8,149].

Основное внимание уделялось расширению хлопковых полей, выращиванию и развитию его высокоурожайных сортов, что, в свою очередь, негативно сказалось на производстве продуктов питания, в том числе бахчевых культур и овощей. В 1985 году план по посадке картофеля в хозяйствах ККАССР составлял 72%, в Джизакской области - 73, в Сырдарьинской - 45, в Ташкентской области - 92%. Урожайность картофеля с гектара в Бухарской области не превышала 33 центнеров, в Навоийской области - 34, в Кашкадарьинской области - 46 центнеров². В результате планы по продаже продукции государству в этих отраслях были заблокированы. В Ташкентской области, которую мы рассматриваем, план поставки овощей в 1985 году составлял 76 процентов, картофеля - 70 процентов, садоводческой продукции - 78 процентов, винограда - 65 процентов. Аналогичная ситуация отмечена в ККАССР, Бухарской, Джизакской, Кашкадарьинской, Навоийской, Сырдарьинской областях³. Даже этот небольшой объем продукции перевозился по централизованному плану в промышленные центральные города РСФСР [2,535].

Заключение

В заключение можно сказать, что во время войны вся сельскохозяйственная продукция служила фронту и победе, но даже после войны сельскохозяйственная продукция служила непосредственно интересам центра, а не интересам народа. Общее положение дел было неудовлетворительным, потому что члены общины не имели достаточной самостоятельности в решении важнейших производственных вопросов. Они по-прежнему оставались в административных оковах. Хозяйственный расчет также был введен на формальной основе. Доминирующие, однообразные административно-командные методы руководства и управления, неравномерный обмен между городом и деревней, распределение ресурсов по остаточному принципу, отсутствие здорового материального стимулирования сельских работников в производственной деятельности и всеобщие ограничения во всех областях привели к тяжелым последствиям. Это особенно ярко проявилось в отношении к земле и человеку, которые считаются двумя важными опорами сельскохозяйственного производства. К этому присоединились выход больших земельных площадей из сельскохозяйственного оборота, снижение плодородия и ухудшение состава почвы, отсутствие чувства хозяина у сельских тружеников, а также их полное безразличие. В Узбекистане колониальная направленность экономики края, растущая монополия на хлопок еще больше осложнили ситуацию. В целом, оценивая сложившуюся ситуацию в сельском хозяйстве страны и республики, следует отметить, что темпы производства продукции постепенно снижались.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Костенников В.М. Экономические районы СССР / В.М. Костенников. — Москва : Географиз, 1958. — 174 с.

2. O‘zbekiston Respublikasi Prezidenti huzuridagi Davlat va jamiyat qurilishi akademiyasi, O‘zbekistonning yangi tarixi markazi. "O‘zbekistonning yangi tarixi". Ikkinchi kitob: O‘zbekiston Sovet mustamlakachiligi davrida. "Sharq" nashriyot-matbaa konserni bosh tahririyati, Toshkent - 2000, 688 b.
3. RUSTAMBEK SHAMSUTDINOV , SHODI KARIMOV, , VATAN TARIXI (O'zbekiston sovet mustamlakachiligi davrida UCHINCHI KITOB, , TO'LDIRILGAN , QAYTA ISHLANGAN IKKINCHI NASHRI, 494 b
4. Костеников В. М. Развитие экономических районов СССР (перспективы и проблемы): пособие для учителей. — М.: Просвещение, 1977. 174 с
5. (Узбекская Советская селение хозяйство , Социалистическая Республика (природа , на-территориально - производственные тивы) , Ташкент . « Узбекистон » , 1982. — 87 с.
6. Развитие и размещение производительных сил СССР. — М.: Наука, 1972. — 296 с.
7. “O‘zbekistonning yangi tarixi”, II kitob, “Sharq” nashriyot-matbaa kontserni, Toshkent, 2000.
8. Народное хозяйство Узбекской ССР 1987 г., Статистический ежегодник, Т.: Узбекистан, 1988.
9. Yoshlik jurnali, 1989-yil, 9-son
10. Народное хозяйство Узбекской ССР за 60 лет, Юбилейный статистический сборник, Т.: Узбекистан, 1984.

LIST OF REFERENCES

1. Kostenikov, V.M. Economic Regions of the USSR. — Moscow: Geographgiz, 1958. — 174 p.
2. Academy of State and Society Building under the President of the Republic of Uzbekistan, Center for the New History of Uzbekistan. The New History of Uzbekistan. Book Two: Uzbekistan during the Soviet Colonial Period. — Tashkent: "Sharq" Publishing and Printing Concern, 2000. — 688 p.
3. Rustambek Shamsutdinov, Shodi Karimov. History of the Motherland (Uzbekistan during the Soviet Colonial Period), Book Three, Revised and Expanded Second Edition. — 494 p.
4. Kostenikov, V.M. Development of the Economic Regions of the USSR (Prospects and Problems): A Manual for Teachers. — Moscow: Prosveshchenie, 1977. — 174 p.
5. Uzbek Soviet Settlement Economy, Socialist Republic (Nature, Territorial-Production Factors). — Tashkent: "Uzbekistan", 1982. — 87 p.
6. Development and Distribution of the Productive Forces of the USSR. — Moscow: Nauka, 1972. — 296 p.
7. The New History of Uzbekistan. Book Two. — Tashkent: "Sharq" Publishing and Printing Concern, 2000.
8. National Economy of the Uzbek SSR, 1987: Statistical Yearbook. — Tashkent: Uzbekistan, 1988.
9. Yoshlik Journal, 1989, Issue No. 9.
10. National Economy of the Uzbek SSR over 60 Years: Jubilee Statistical Collection. — Tashkent: Uzbekistan, 1984.

МАЗМҰНЫ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ ШУБАРСУ

Байтанаев Бауржан Абишевич

Байтанаева Олеся Анатольевна

Отар Аль фараби Нурмаханбетжанулы.....5-12

ЖЕНЩИНА, ВОЙНА И СТРАДАНИЕ: УЗБЕКСКИЕ ЖЕНЩИНЫ В ТЫЛУ ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Махкамова Раъно Аловиддин кизи.....13-23

THE ESTABLISHMENT OF DIPLOMATIC RELATIONS BETWEEN THE KOKAND KHANATE AND THE GOVERNOR- GENERALSHIP OF TURKESTAN

Nabijonov S.....24-34

THEMATIC CLASSIFICATION OF WORDS IN ASH-SHUZUR AZ-ZAHABIYYA AND THEIR COMPARATIVE STUDY ACROSS MANUSCRIPTS

Nasirova D..35-42

FRENCH RESEARCH ON ISLAMIC ISSUES IN POST-SOVIET CENTRAL ASIA: HISTORIOGRAPHICAL ANALYSIS

Ostonov J.....43-52

KIDARITES RULE IN NORTHWESTERN INDIA: CONQUEST, GOVERNANCE, AND LEGACY

Saparov S.....53-60

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО В ТАШКЕНТЕ ВО ВРЕМЯ И ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: РАЗВИТИЕ, ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

Тоирова Замира Субон қизи.....61-67